

МИР
КАНТОНОВА
ВАН

F10

ОДЕРЖИМОСТЬ

ОПЕКУН

18+

Лана Пиратова

Опекун. Его одержимость

«Автор»

2026

Пиратова Л.

Опекун. Его одержимость / Л. Пиратова — «Автор», 2026

- Прекратите меня оскорблять! – чуть ли не топает ножкой. А я лишь усмехаюсь.- Я не оскорбляю, девочка. Что ты. Не начинал даже. Это же констатация факта. Глупая и мозгов у тебя нет.- А вы вы! Вы!Ну? Удиви меня.- Вы просто чудовище! – почти хныча произносит она. – Я вас ненавижу!- Рад слышать, - ухмыляюсь.- Я все равно сбегу!- длинная дорога от ненависти до любви,- сложный герой с тяжелым прошлым,- дерзкая и безбашенная героиня,- ошибки, ошибки, глупые, а порой и жестокие поступки,- мат и сцены 18+.Последнее предупреждение: очень бесячий главный герой. Автор сама его чуть не прикончила в процессе написания книги.

© Пиратова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рам	5
Глава 2. Рам	7
Глава 3. Рам	9
Глава 4. Рам	10
Глава 5. Рам	12
Глава 6. Рам	13
Глава 7. Рам	16
Глава 8. Рам	18
Глава 9. Марина	19
Глава 10. Марина	21
Глава 11. Марина	23
Глава 12. Марина	25
Глава 13. Марина	27
Глава 14. Рам	29
Глава 15. Рам	31
Глава 16. Рам	33
Глава 17. Рам	36
Глава 18. Рам	38
Глава 19. Рам	41
Глава 20. Марина	43
Глава 21. Марина	45
Глава 22. Марина	48
Глава 23. Рам	50
Глава 24. Марина	53
Глава 25. Рам	57
Глава 26. Рам	59
Глава 27. Рам	62
Глава 28. Марина	64
Глава 29. Марина	67
Глава 30. Рам	70
Глава 31. Марина	74
Глава 32. Марина	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Опекун. Его одержимость

Глава 1. Рам

— Вискаря еще пробей, — машу рукой кассиру на автозаправке и достаю карту из кошелька.

Пока кассир отходит к полке с дорогим алкоголем и открывает замок, мое внимание привлекает какой—то пацан с капюшоном на голове.

Внимательно слежу за ним в отражение в витрине.

Пацан боязливо озирается по сторонам. Но на заправке только он, я и кассир. Время — два ночи.

Что он вообще тут забыл? Кроме моей машины нет ни одной перед ларьком.

Вижу, как парень быстро приоткрывает дверку витрины с бутербродами и хватает один из них. Сразу же засовывает его себе за пазуху и стремительно шагает к выходу.

— Ну—ка, стой! — кричит кассир и собирается нажать на тревожную кнопку.

— Остынь, — кидаю ему. — Двери заблокируй.

Слушается.

Парень, увидев, что попался, начинает шарaxаться в поисках выхода.

— Что он там взял? Тоже пробей, — протягиваю кассиру карту и наблюдаю за пацаном.

Щуплый какой. Дохляк. Но шмотки, вроде, приличные. Значит не бомж.

— Пожалуйста, — кассир возвращает мне карту. — Вызову полицию?

— Нахера? — спрашиваю я. — Я же оплатил. Сам с ним разберусь.

Иду к заблокированным дверям.

Пацан, завидев меня и поняв, видимо, что иду я к нему, резко дергается. Но я успеваю перехватить его за руку. Тяну за собой.

— Со мной пойдешь, — машу рукой кассиру, давая знак, чтобы открыл дверь.

Мы выходим на улицу.

— Дяденька, отпустите, я не специально. Я верну, — голосок такой писклявый. Как у бабы.

И он лезет себе под куртку и протягивает мне бутерброд.

— Какого хера ворует? — грозно спрашиваю я. — Ты знаешь, чья эта заправка? Узнают — яйца оторвут. Катись отсюда, пока цел, — и я с презрением толкаю его от себя.

Да, видно, силу—то не рассчитал. Этот дохляк падает на асфальт и начинает ныть, потирая руку.

А еще, сука, у него капюшон с головы слетает и копна каштановых волос падает прямо на плечи.

— Баба, что ли?! — подхожу, наклоняюсь и беру ее за подбородок.

Поднимаю лицо и подсвечиваю телефоном.

Ну, баба точно. Вот, откуда писклявый голосок. Молодая совсем.

Хм, а ничего так.

— Вставай, — тяну ее наверх. — Ты что здесь делаешь в такое время? — спрашиваю, а сам взглядом по фигуре прохожусь.

Балахоны какие—то. Нихрена непонятно.

— Поесть хотела купить, — отвечает она уже нормальным голосом, не коверкая его.

— Купить или спиздить? — усмехаюсь я.

Вместо ответа она дергает свое лицо из моего захвата.

— Я отдала вам бутер, — говорит, нахмурившись.

И разворачивается, чтобы уйти.

Глава 2. Рам

Охуела?

Со мной так не разговаривают. Особенно какие—то соски.

— Куда, блять? — дергаю ее за капюшон и она снова чуть не падает. — Мы не закончили, — хмыкаю.

— Отпустите меня! Вы не имеете права!

Ого. О правах вспомнила. Бойкая какая.

— Шагай, давай, — тяну ее к своей машине.

— Эй! Отпусти! — девчонка пытается вырваться. Крутится как уж.

Сжимаю пальцами за подбородок и пристально смотрю в глаза.

— Никогда не разговаривай так с мужиками, — цежу ей в лицо. — Поняла? — чуть встряхиваю. — Рот можешь открывать, когда тебе скажут.

Девчонка приоткрывает рот и я смотрю на него.

Пухлые губы.

Большим пальцем провожу по нижней губе и проталкиваю палец в рот.

Ох, сука.

Чувствую, как член дергается и начинает каменеть.

Хочу ее, что ли?

А что? Пусть—ка отсосет за свою свободу.

Как раз Нелли сегодня не может. Заболела.

Не рукой же мне работать.

Берусь за молнию на толстовке девчонки и резко дергаю ее вниз. Распахиваю, несмотря на ее попытки помешать мне.

А под толстовкой только лиф спортивный.

Сиськи что надо. Так и не скажешь. Сама дохлая, а сиськи...

Пойдет.

— Ну—ка, сюда иди, — беру ее сзади за шею и тащу к тачке.

— Ай! Пустите! Я полицию позову! — не сдается девчонка.

— Зови, — ухмыляюсь я.

Открываю дверь заднего сиденья и заталкиваю ее туда. Сам сажусь следом и сразу же блокирую двери.

Девчонка тут же забивается к двери и испуганно смотрит на меня.

Я откидываюсь на спинку кресла и расставляю шире ноги. У меня, сука, стоит. Стоит так, что ткань сейчас нахрен порвет. Смотрю на нее, наслаждаясь своей властью над ней и нарастающим возбуждением.

Хочу.

— Откройте двери, — дрожащим голосом просит девчонка.

— Нихуя, — отвечаю я и кладу руку ей на ногу.

— Я в полицию обращусь. Сейчас заметят, — отодвигает ногу от меня и оглядывается.

— Два часа ночи, — усмехаюсь. — Заправка за городом. Никого кроме нас. Ты серьезно рассчитываешь, что тебе кто—то поможет? Даже если ты сиреной будешь орать?

Хватаю ее за ногу и дергаю на себя.

— Вы ответите! Ответите! — кричит она.

— Перед кем? — распахиваю кофту на ней и сильно сжимаю грудь.

Хороша! Вот такие мне нравятся. Своя, похоже.

Мну ее, нащупываю сосок.

— Перед кем я там отвечать буду? — засовываю два пальца ей в рот и толкаюсь.

Девчонка смотрит на меня круглыми глазами, пытается головой мотать.

— Отсосешь мне, — говорю я, берясь за ремень. — Презиков нет. Поэтому отсосешь.
И считай, что отработала.

Глава 3. Рам

Отпускаю девчонку и нетерпеливо расстегиваю брюки. Сука, член просто каменный. Выпирает из боксеров.

Девчонка поворачивается к окну и начинает стучать по нему.

— Иди сюда, — обхватываю ее за талию и дергаю вниз.

Зажимаю ногами.

— Шустрая какая, — хриплю, наклоняясь, глядя в испуганные глаза. — Люблю таких юрких. Понравится если, возьму тебя на постоянку. Хату сниму. Давай—ка, покажи, что умеешь.

И я спускаю боксеры и обхватываю у основания выпрыгивающий член.

Не дожидаясь, пока девчонка опять начнет сопротивляться, просовываю большой палец ей между зубов и раскрываю рот.

— Давай, детка, — хриплю в нетерпении. — Сука. Так.

И головкой провожу по губам.

Девчонка пытается мотать головой, но я держу ее крепко. Меня заводят ее попытки освободиться. Строит из себя.

Яйца готовы взорваться от напряжения. Надо слить. И слить в этот непослушный ротик.

А потом запереть ее в тачке и сходить в ларек за презиками. Ну, должны же они там быть. И трахнуть. Трахнуть ее в оставшиеся дырки.

Под эти сладостные мысли пихаю ей в рот член. Он трется о ее губы и я рычу от удовольствия.

Член входит наполовину, а дальше головкой ощущаю препятствие. Языком упирается, похоже.

— Полностью бери, — обхватываю ее голову руками и начинаю насаживать. — Полностью. Да!

Откидываю голову и прикрываю глаза.

Охрененно как.

Я знаю, что мой размер не каждая примет полностью. Опыт нужен. Но сейчас мне плевать. Хочу в глотку. Раздеру так раздеру. Сама виновата.

Еще надавливаю на ее голову и бедрами толкаюсь.

— Да, — шиплю сквозь зубы, готовясь трахать ее рот.

Жестко. Резко. На полную.

Но только собираюсь врезаться в ее рот бедрами, чтобы войти до яиц, как чувствую острую боль.

Икры из глаз! Зажмуриваюсь на мгновение и сразу же распахиваю глаза.

Член! Мой член словно в огне!

Обхватываю его и осматриваю.

Да, блять! Она же укусила его! Эта тварь укусила меня за член!

Поднимаю взгляд на девку.

Смотрит с ненавистью и вытирает рот.

— Сука, — стону я и понимаю, что даже приподняться не могу от боли.

А эта тварь мелкая хватает выпавший брелок и разблокирует двери. И тут же выскакивает!

— Стой, блять! — стону я с хрипом. — Найду, блять! Сука! Найду! Убью!

Вглядываюсь в окно, а ее уже и след простыл. В кусты сиганула.

Вот, сука! Блядство! Сука!

Глава 4. Рам

Я просыпаюсь от того, что в горле все пересохло. Сушняк.

Даже сглотнуть тяжело.

Сколько я вчера выпил?

Приоткрываю глаза и приподнимаюсь, осматриваясь. Сбоку кто—то скулит. Поворачиваюсь на звук.

Телка. Задница призывно выпячивается. Судя по цвету волос, это Нелли. Когда я ее подцепил? Вызвонил, что ли?

Сажусь на кровати и тру лицо ладонями.

Рядом с тумбочкой стоит недопитая бутылка минералки. Отлично. То, что нужно. Хватаю ее и залпом допиваю. Становится лучше, но все равно еще херово. Надо отоспаться. Ложусь и прикрываю глаза. И только немного башка перестает гудеть, как раздается телефонный звонок. Настолько громкий, что глаза тут же распахиваются и готовы из орбит вылететь.

Надо было отключить его нахер!

Оглядываюсь в поисках телефона. Да куда я его закинул?!

Наконец, по непрекращающемуся сигналу нахожу аппарат. Смотрю на экран. Номер неизвестный. Ненавижу звонки с неизвестных номеров. Они, сука, всегда приносят дерьмовые новости. И я предпочитаю не отвечать на них. Но в этот раз палец зачем—то жмет на кнопку «ответить».

— Да, — рычу недовольно в трубку.

— Сафин Рамиль Русланович? — незнакомый мужской голос называет мои данные и от этого становится еще поганее.

— Я, — отвечаю коротко.

— Вас беспокоят из больницы.

Какого хера? Я не помню, когда в последний раз был у врача. Какая еще больница?!

Но молчу. Жду, что же дальше. Башка слабо соображает до сих пор.

— Вы извините, что беспокоим вас, но... ваш контакт дал нам пациент. Сказал, что вы единственный родственник.

Сука. Становится все запутаннее, и я не выдерживаю.

— Вы можете сказать, какого хера звоните мне в субботу в восемь утра? Без загадок? Если ты, сука, решил развести меня на бабки...

— Сафин Родион Русланович приходится вам братом? — ошарашивает меня вопрос врача.

Я даже замираю на мгновение. И похмелье как будто сразу улечивается к чертям.

Родя?!

— Где он? — хриплю в трубку.

— У нас. Он просил позвонить вам. Вы знаете, вы — родственник и я вынужден сказать это вам. Состояние Родиона Руслановича очень плохое. Прогнозы плохие.

— А что с ним случилось?! Как он у вас оказался?

— Вы сможете подъехать? Это лучше не по телефону.

— Да, конечно. Сейчас?

— Нет. Давайте после обеда. Как раз закончится обход врачей и будет что—то более—менее конкретное.

— Ну, вы можете сказать хотя бы, что случилось? Как он у вас оказался.

— Авария. Извините, мне пора идти. Жду вас после двенадцати. Меня зовут Корнилов Эдуард Сергеевич. Спросите на посту, я спущусь за вами. До встречи.

И дальше гудки.

Смотрю на телефон, до конца не веря в реальность происходящего.

Глава 5. Рам

Родя? Брат?

Кладу телефон на тумбочку и откидываюсь на кровать. Взгляд — в потолок.

Тут Нелли сбоку начинает ворочаться. Разбудил ее.

— Который час? — поворачивается ко мне лицом и приоткрывает глаза.

Осматриваю размякшее ото сна податливое тело.

— Какая, нахер, разница? — ухмыляюсь я и стягиваю у нее на затылке волосы. Наматываю их на кулак. — Делом займись, — тяну к себе и вниз.

Трахаться не хочу. Звонок из больницы все настроение испортил, но от стояка утреннего избавиться надо. Телка рядом есть. Пусть ртом поработает.

Дергаю ее на себя и, обхватив ствол у основания, шлепаю легонько головкой по щекам Нелли. Та довольно улыбается и высовывает язык. Пытается кончиком его коснуться меня. И тогда я тяну волосы вниз, заставляя телку раскрыть рот пошире и насаживаю ее на себя.

— Да, сука, — вырывается из меня хрип. Отпускаю ее. — Сама давай, блять.

За что люблю шлюх — их не надо уговаривать. Вот и Нелли сама начинает обрабатывать мой член.

Откидываю голову на подушку и прикрываю глаза. И, вроде, Нелли и старается, но понимаю, что нормального кайфа не словлю сейчас. Все мысли о звонке.

Приподнимаюсь и наблюдаю, как она, обхватив рабочими губами ствол, наяривает по нему, причмокивая. Пальцами поглаживает яйца. Потом засасывает головку, и я стону.

Хочу кончить быстрее.

Опять хватаю ее за волосы и почти до упора надеваю ее на ствол. Нелли начинает задыхаться и мычать что—то.

Отпускаю. Но лишь на несколько секунд. И снова насаживаю до касания головкой глотки. Ускоряюсь и через несколько движений заполняю рот Нелли спермой.

Даю ей выдохнуть.

— Ты спятил? — злится она, вытирая сперму с подбородка. — Я чуть не задохнулась!

— Ну, выжила же, — усмехаюсь я, поправляя член.

— Дурак!

Резко перевожу на нее взгляд.

— Проваливай! — рычу я.

— Рамиль, ну, прости, — начинает канючить она.

— Вали, я сказал.

Спрыгиваю с кровати и иду в душ.

— Чтобы, когда выйду, тебя не было, — бросаю телке, не оборачиваясь.

И она понимает с первого раза.

Выхожу из душа, вытирая волосы. Нелли уже нет. Иду на кухню.

Кофе. Вот, что поможет поставить мозги на место.

Родя в больнице. Так, сука, сколько же мы не виделись?

Смотрю на часы. Еще три часа.

Чтобы отвлечься, еду в спортзал. В субботу утром он почти пустой, а тренажеры меня реально приводят в чувство.

Глава 6. Рам

Наконец, я в той самой больнице, откуда был звонок утром. Называю фамилию врача и меня просят подождать.

Спустя несколько минут в коридоре появляется мужчина с явно уставшим лицом.

— Рамиль Русланович? — протягивает мне руку.

Отвечаю на жест.

— Пройдемте в кабинет, — приглашает он и я иду за ним.

В небольшой комнате с припущенными на окнах жалюзи мужчина показывает мне на кресло напротив его стола.

— Ваш брат с супругой поступили к нам четыре дня назад, — начинает он. — Я буду говорить с вами откровенно, — поднимает на меня усталый взгляд. — Вы родственник. У вашего брата очень мало шансов выкарабкаться. То, что он еще дышит, — чудо.

— А жена? Что с его женой?

— Она умерла на вторые сутки, — равнодушно произносит доктор. — Сейчас в морге. Если решите хоронить, то завтра — последний день, чтобы забрать. Иначе...

— Да, буду хоронить, — киваю я. — А что с братом? Может, лекарства какие нужны? С деньгами проблем нет. Извините, не запомнил ваше имя.

— Эдуард Сергеевич, — напоминает он.

— Если деньги нужны...

— Тут уже ничего не поможет, — обрывает он меня. — Не все покупается деньгами. И медицина бывает бессильна.

Молчу, опустив голову. Родя, блять. Какого хера ты решил уйти? Ещё и так...

— Пациент просил меня позвонить вам, — продолжает врач. — Очень хочет переговорить с вами.

— Сейчас я могу его увидеть? — спрашиваю, опять глядя в эти уставшие глаза.

— Да, пройдемте.

Мы идём по узкому, полутемному коридору. В нос бьёт неприятный запах. Такой больничный запах лекарств и ранений.

Подходим к двери.

— Помните, что он в крайне тяжёлом состоянии, — напоминает мне врач. — Беседа не должна привести к стрессу. Я бы никого не впустил к нему, но...

— Да я понял, — обрываю его и он открывает передо мной дверь.

Я захожу в палату под плачущие звуки. В центре комнаты на кровати лежит человек. Весь в проводах. Рядом что-то плачет, мигает.

Подхожу.

Родя. Да, это он. Сдал только. Поседел, что ли?

— Родя, — говорю вслух и глаза его приоткрываются.

Взгляд начинает блуждать, пока не останавливается на мне.

— Рамиль, — шепчет он пересохшими губами. — Пришел.

— Ты как, Родь? — спрашиваю и кладу ему руку на плечо.

— Да, видно, все, Рамиль. Ухожу. Пришел мой срок.

— Ну, брось, — пытаюсь его подбодрить.

— Нее, пойду следом за Ритой. Ждёт она.

Значит, знает уже.

Рита — это жена его. Теперь покойная.

— Родь, слушай, — начинаю я, но он не даёт мне договорить. Сам произносит:

— Рамиль, о помощи прошу. Как брата. Знаю, что не общались мы столько лет, но мне обратиться больше не к кому. А помощь нужна.

Замолкает. Я тоже молчу. Вижу, что каждое слово даётся ему с трудом. Поэтому прерывать его сейчас — только мучить.

Не видел его никогда таким. В груди словно щемит что—то. Сука.

— Марина, — едва слышно бормочет брат.

Какая ещё нахрен Марина? Ещё одна баба его, что ли?

— Дочка, — шепчет Родион. — Рамиль, найди ее.

Бредит.

Какая ещё дочка? У него нет детей. И не может быть.

— Ритина дочка, — он как будто мысли мои читает, добавляет. — Ритина. Как дочь она мне, Рамиль. Забери ее. Одна она. Понимаешь? — и хватает меня за руку. Пытается приподняться.

— Ну, тихо, Родя, тихо, — пытаюсь его успокоить. — Сколько ей?

— Девятнадцать.

— Ну, блять, взрослая уже. Совершеннолетняя, — пытаюсь шутить.

— Да ребенок ещё, Рамиль. Глупая она. Наивная и доверчивая. Обидят. Нет никого у нее больше. Нет родственников. Понимаешь? Ты должен! — смотрит пронзительно. — Слышишь, Рамиль? Ради меня. Слышишь?

— Да успокойся ты, — говорю я. — Что ты от меня—то хочешь?

— Забери ее. Одну не оставляй. Боюсь я за нее.

Забери, блять. Он серьезно? Куда ее забрать? Здоровая девка. Девятнадцать лет, сука. Да я трахаю таких, а не защищаю.

— Рамиль, — опять зовёт меня брат, — Ради меня. Сделай. Как брата прошу.

— Ладно, — бурчу недовольно.

— Обещай! — требует он. — Сейчас мне обещай! Должен ты мне! Помнишь?!

Напоминает о прошлом. Хмурюсь и отворачиваюсь. Нашел время!

— Обещаю, — говорю хмуро. — Только не нервничай ты, ну? Сам ещё выйдешь и за этой, как ее?

— Марина, — шепчет Родион.

— Сам за Мариной последишь.

— Хватит, — говорит мне тихо врач.

— Все, — отвечаю. — Сейчас попрощаюсь и...

И в этот момент прибор рядом с кроватью Родиона начинает противно пищать. Громко, не прерываясь.

Доктор толкает меня от кровати и я лишь наблюдаю, как он начинает трясти Родиона. А тот лежит с закрытыми глазами.

В палату тут же забегают ещё люди в форме и меня выставляют за дверь.

Дёргаю ручку — закрыто.

Да сука! Что происходит—то?!

Бью кулаком в стену рядом с дверью и упираюсь в нее лбом.

Вдруг дверь резко распахивается и появляется тот самый доктор. Снимает устало маску и смотрит мне в глаза.

— Все, — произносит тихо.

Впиваюсь в него взглядом. А, когда прихожу немного в себя, начинаю орать:

— Все?! Что, блять, все?! Что все?!

— Ваш брат скончался, — говорит он равнодушно и никак не реагирует даже на то, что я трясу его за грудки.

Сам отпускаю его и ударяю кулаком в стенку.

Все.

Глава 7. Рам

Вещи брата и его жены мне отдали в больнице. Там же был и ключ от их квартиры. Я ни разу не был там. И не хотел идти туда. Какое—то непонятное чувство давило в груди. Прошлое накатило.

И, вот, вроде, и брата уже нет, а прошлое так и бьет по башке. Сейчас с новой силой.

То, что я так тщательно хоронил в себе, закапывал как можно глубже, сейчас вылезло с новой силой. С утроенной силой. Потому что Роды уже больше нет. И прошлое так и осталось висеть между нами...

Хоронил его, а все бесполезно. А сейчас мне надо заняться похоронами брата и его жены.

Я договорился с агентством, чтобы вообще не касаться этого.

А потом поехал к брату на квартиру. И, наверное, не меньше часа сидел и просто пил в машине. Сидел в припаркованной возле подъезда тачке и пил. Глядя на окна дома и пытаюсь угадать, где окна квартиры брата.

Но хрен ли страдать? Уже все случилось.

Не думал никогда, что такотреагирую на такие новости. Мне же похрену было.

Ладно. Надо идти в квартиру и решать что—то с дочкой Риты.

Еще одна головная боль.

Выхожу из машины, иду к подъезду. И просто замираю на месте. Охреневаю, когда вижу, как с другой стороны улицы навстречу мне идет та самая сучка!

От одного вида все сводит в паху. И это, сука, не от желания! Я сразу вспоминаю ее зубы!

Вот ты значит где. А я уже собирался искать тебя после всех этих дел с похоронами!

А она сама в руки идет.

Чуть отворачиваюсь, чтобы не спугнуть девку раньше времени. И, когда она приближается, я быстро подхожу к ней и хватаю за руку. Тащу к машине. Запихиваю туда и сам сажусь.

Наши взгляды встречаются.

Ужас на лице девки бесценен!

— Вот, ты и попалась! — говорю я и выхватываю у нее сумку.

— Эй! Отдайте! — восклицает она и даже тянется ко мне своими ручонками.

Не обращаю внимания и достаю паспорт.

— Зачем вам мой паспорт?! Отдайте! Вы не имеете права!

И она даже пытается стукнуть меня кулачком!

— Ты попутала, что ли? — рычу я. — В этот раз все! Получу должок с тебя! Все косяки свои отработаешь!

Одной рукой прижимаю ее к сиденью, не давая рыпнуться, а второй открываю паспорт.

Надеюсь, восемнадцать ей есть. А то то, что я собираюсь с ней сделать...

Судя по дате рождения, ей двадцать лет. Нормально. Значит не целка. Так даже лучше.

А зовут ее... Поднимаю взгляд выше на строчку в паспорте. И сглатываю, вчитываясь с прыгающие буквы:

«Сафина Марина Александровна».

Какого...?!

Рука застывает с паспортом в руках.

Не моргая, плююсь на девку. А та осмелела. Стряхивает с себя мою руку.

— Помогите! — орет так громко, что башка опять начинает болеть.

Да в смысле, сука?! Что за нахер?!

Еще раз читаю ее имя и фамилию.

Сафина Марина. И возраст сходится!

— Помогите! — продолжает верещать девчонка и я вынужден зажать ей рот.

— Замолчи! — шиплю со злостью. — Иначе я тебе скотчем рот заклею! Паспорт твой?! Кивает.

Освобождаю ее рот. Она жадно заглатывает воздух. Дёргается и цедит в ответ, прожигая меня взглядом:

— Мой! Сейчас соседи вызовут полицию и вас арестуют! Вы...

— Зовут тебя как? — перебиваю я и с яростью вглядываюсь в злое лицо девчонки.

— Вы читать не умеете?! Там написано! — хамит она.

— Имя! — рычу я, обхватывая ладонью ее горло. — Ну?!

— Марина, — хрипит она и я тут же отпускаю ее. И даже чуть отталкиваю от себя.

Блять! Сука! Да нет же! Это не может быть правдой! Не может!

— У меня дядя есть! Он вас! — не угомонится девчонка.

Зыркаю на нее. Что за дядя еще?

— Его Рамиль зовут! Он вам...

— Ну, тогда приятно познакомиться, — хмыкаю я, потирая глаза.

Поворачиваюсь и смотрю в круглые глаза девчонки.

— Рамиль, — произношу сухо и наслаждаюсь ее реакцией.

Глава 8. Рам

Девчонка отчаянно мотает головой.

— Вы врете... я не верю вам... — слышу писклявый голосок.

А потом всхлип. Девчонка обхватывает голову руками. Сидит и ревет.

Сука.

Терпеть не могу плачущих баб. Никогда не знал, что с ними делать.

Но тут, вроде, как и не баба совсем. Девчонка. Родителей потеряла.

— Чего реветь—то? Сейчас пойдешь и соберешь вещи свои.

Девчонка тут же вскидывает на меня испуганный взгляд.

— Зачем?

— Ко мне поедешь, — отвечаю я, потирая глаза. Сука. Сложно все как. — Брат так велел. Следить за тобой.

— Не надо, — заявляет гордо. Убирает волосы с лица.

Сука. Красивая все же.

Ну, вот, почему дочка жены Родиона не оказалась какой—нибудь прыщавой уродиной?

Так. Все. Не туда что—то мысли.

— Родион сказал, чтобы я за тобой проследил, — говорю строго. — Здесь, — киваю на ее дом, — я жить не могу. Поэтому ты переедешь ко мне. Не бойся. Не трону. Ты же типа как родственница мне теперь. Считай, что простил тебя. Хотя по зубам твоим пройтись надо. Ты хоть понимаешь, что инвалидом меня могла оставить? Ты сесть можешь. Понимаешь?

Сидит и, нахмурившись, смотрит. И молчит.

Ни капли раскаяния на лице! Вообще, вот, ни капли! Что за стерва!

Воспитать бы ее, по—хорошему. Чтобы знала, как себя вести.

Укусила, конечно, не сильно. Так, слегка прикусила. Но, сука, это же член! С ним нежно надо! Ладно, пусть другие учат. И желательно после того, как от меня съедет.

— Собирайся, — повторяю я. Не хочу больше здесь оставаться. Давит что—то. Знаю, конечно, что, но гоню прочь мысли.

Я жил прекрасно до этого. И дальше смогу. И никакая мелкая дрянь мне не помешает.

— Я не поеду, — упрямо произносит эта самая дрянь. — Оставьте меня! Вы не имеете права. Я совершеннолетняя! Сама справлюсь! Уходите!

— Собирайся, блять! — я начинаю злиться. Не люблю такие сложности. — Я брату обещал! Живо!

— Где же вы были все эти годы? Почему я ни разу вас не видела? И Родион ничего про вас на рассказывал! Вы врете! Я сейчас полицию позову!

— Дура, — выдыхаю я. — Это не твои заботы, почему. Это наше с Родей дело.

— Я никуда с вами не поеду!

— Не поедешь? — эта дрянь так взбесила меня, что я опять готов ей шею свернуть.

— Нет!

— Ну и проваливай! — бросаю я.

Разблокирую двери и девчонка моментально выскакивает из тачки и бежит к подъезду.

Со злостью во взгляде наблюдаю за задницей.

Когда она скрывается в подъезде, я бью со всей силы по рулю и дергаю с места.

Глава 9. Марина

Я любила своих родителей.

Хотя не помню, когда в последний раз я говорила об этом хотя бы маме. Но я их любила. И маму, и отчима. Родион, как я его называла, относился ко мне вполне нормально. Мне было десять, когда мама с ним познакомилась.

Сначала я не хотела его принимать. Мне казалось: зачем нам с мамой чужой мужик? Зачем ей мужик, когда у нее есть я? Так я думала лет до шестнадцати. Старалась вообще с ним не разговаривать. А он словно и внимания на это не обращал.

Не злился. Не ругался. Хотя мне порой хотелось его вывести. Чтобы показать маме: смотри, какой он плохой.

А потом я как—то смирилась. Он не задевал меня.

Ну, был и был.

Когда мы жили одни с мамой, то ей приходилось на двух работах работать. Денег мало было у нас. Только что квартира. Мама даже думала одно время сдавать комнату у нас. Так было туго.

А когда Родион стал жить с нами, мама с одной работы уволилась. И это тоже было здорово!

В общем, я, если и не любила, то вполне нормально относилась и к Родиону.

Им было хорошо с мамой. Я видела это.

С мамой я особо близка не была. Все мое детство я провела одна в квартире — мама все время работала. А потом как—то мне и не нужно было. Я любила одиночество. И чтобы меня никто не трогал.

Но я привыкла все рассказывать маме. И про университет, и про то, что случилось днем. Как—то само собой это было. Прямо, вот, все—все. Как отчет, что ли.

Не то, чтобы мне нужно было ее сочувствие или поддержка. Просто так было нужно. Вот и все.

Поэтому и про Женю я тоже ей все рассказала.

С Женей я познакомилась на дне рождения одноклассницы. Я еще удивилась, когда меня туда пригласили. Потому что я и не дружила ни с кем с курса.

Меня не приняли сразу. Девчонки явно дали понять, что общаться со мной не будут.

А мальчишки... мальчишки вообще были все придурки.

Поэтому я ни с кем и не общалась. И за партой одна сидела.

А тут приглашение на день рождения. Я, конечно, обрадовалась.

Мама, правда, не хотела отпускать, но я пообещала, что приду домой в восемь.

Вот, на этом самом дне рождения я и познакомилась с Женей. Он был старше на пять лет. Такой взрослый. С машиной. Он, кстати, и отвез меня домой.

Мы еще сидели в машине возле моего дома. Мне было неловко сказать ему, что меня мама будет ругать, если я опоздаю.

Поэтому домой я вошла в полдевятого.

В тот раз мама впервые назвала меня матерным словом. Она кричала, что я пойду по наклонной. Что это только начало.

И я рассказала ей про Женю. Что это он подвез меня и все в порядке.

Что тут началось...

Мама в красках обрисовала мне мою будущую пропашую жизнь. Назвала Женю козлом и запретила мне с ним встречаться.

Это все разозлило меня. Я, конечно, ничего ей не ответила, но обиделась на маму. Наверное, впервые по—настоящему обиделась. И замкнулась.

На следующее утро мы почти не разговаривали, и я убежала в университет, так и не позавтракав. А после лекций меня ждал Женя. На своей машине. И с небольшим букетом.

Я даже замерла от счастья. В тот день я прогуляла тренировку, чтобы покататься с Женей. Так бы меня не отпустили. Я даже и спрашивать не хотела. А так я могла сказать маме, что была на тренировке.

Женя был первым мальчиком, кто обратил на меня внимание. Еще и такой взрослый.

В ту ночь я почти не спала. Столько было эмоций. А поделиться было не с кем. Подружки не было. А мама... мама бы опять начала кричать и ругаться. Поэтому больше я ей ничего не рассказывала. Но общение с Женей, конечно, продолжила.

Вот так мы и встречались. После университета. Пока родители были на работе.

На третьем таком свидании Женя поцеловал меня. А, когда я, оторопев, не возразила, запустил руку мне под юбку.

Вот, тогда я резко отдернулась и убрала его руку.

— Чего ты? — улыбнулся он. — Мы же нравимся друг другу. Это нормально.

— Я знаю, — кивнула я, боясь его обидеть. — Просто... просто у меня не было никогда...

— Я знаю, — прищурился Женя. — Поэтому я и готов ждать. Видишь, как медленно все делаю. Ты мне сразу понравилась, Марин. Ты очень красивая, — он опять приблизился и теперь уже просто положил руку мне на коленку. — Давай постепенно, да? Не бойся. Я знаю, как надо, чтобы не больно было. У меня были уже девственницы.

— Жень... я не знаю...

— Я нравлюсь тебе? — он заглянул мне в глаза.

Я кивнула.

— И ты мне, Марин, очень нравишься. У меня так стоит на тебя! Это точно любовь. А любовь без секса не бывает. Ну, нам же не по десять лет. Я буду ласковым.

И опять его рука пошла выше по моей ноге.

С каждым свиданием Женя становился все настойчивее и настойчивее. А мне все сложнее было сопротивляться. Он говорил вполне разумные вещи: и о том, что он мне нравится, и о том, что он уже взрослый и без этого не может.

В один из дней мама пришла с работы раньше и увидела, как я выхожу из машины Жени. Дома меня ждал скандал и полный запрет на выход из дома. Даже на тренировки.

Я сказала об этом приехавшему на следующий день Жене. Он уехал. Больше я его не видела.

Через пару дней однокурсница, на дне рождения которой я и познакомилась с Женей, сказала, что у него в субботу день рождения и он приглашает меня.

Сердце опять забило чаще. Он помнил обо мне!

Но как отпроситься у мамы? Нет. Это было все бесполезно. Она ни за что не отпустила бы меня! Даже и заговаривать не стоило.

В пятницу родители после работы обычно всегда уезжали на дачу. Меня, естественно, брали с собой.

Я не любила эту дачу. Все, чем там можно было заниматься, — это копать и сажать. Там даже телефон толком не работал.

Но я каждые выходные отправлялась туда вместе с мамой и Родионом.

Но не в эту пятницу.

Глава 10. Марина

Я очень хотела попасть на день рождения к Жене. И в качестве подарка хотела провести эту ночь с ним.

Он же может жениться на мне и тогда мама точно смирится и отпустит меня. Он столько раз говорил, что любит меня.

Мы поженимся и мама поймет.

Вот с этой мыслью я и сбежала в пятницу из дома.

Конечно, я знала, что мама будет волноваться, но такая у меня обида на нее была!

А сейчас понимаю, что мама ведь права была...

Вечером я сразу поехала к Жене. Узнала его адрес. Он жил в общежитии.

Я нарядилась, накрасилась для него.

Подошла к его комнате и постучала. Никто не ответил.

Неужели его не было дома?! И куда мне тогда?

На всякий случай постучала ещё раз.

Лучше бы я этого не делала...

Дверь мне открыла какая—то девица. Абсолютно голая и обмотанная в простыню.

Она оглядела меня оценивающим взглядом.

— Аааа... Женья здесь? — спросила я, когда немного пришла в себя.

— Ты к Женьке, что ли? — усмехнулась девица. А потом повернула голову и прокричала: — Жень! Тут к тебе!

Я не дождалась его. Развернулась и убежала.

Не знаю, сколько я бежала. Перед глазами проносились дома, машины, улицы, какие—то люди. Несколько раз я натыкалась на кого—то.

В конце концов, видимо, устав, я прислонилась к какому—то дому и закрыла глаза. Слезы текли по щекам.

Поехала домой, родителей уже не было. Тут звонок по телефону. Мама звонила. Я трубку, конечно, не взяла. Тогда пришло сообщение:

«Приезжай на электричке. Родион тебя встретит на станции».

Ехать на дачу мне не хотелось. Все, что мне сейчас было нужно, — это остаться одной. Может, поплакать, но остаться одной. Поэтому я быстро набрала сообщение в ответ:

«Мам, я не приеду. Буду готовиться к зачету».

И только расслабилась. Думала, сейчас сделаю себе ванну. Может, даже выпью водочки из холодильника.

Но мама не сдавалась:

«Мы выезжаем обратно. Я чувствую, у тебя проблемы».

Убеждать ее, что все в порядке, было бессмысленно. Я знала свою маму. Если она решила, что у меня проблемы, значит они будут, даже если их не было.

Она бы точно не отстала от меня, пока я ей все не рассказала. А я не хотела. Не хотела ни с кем делиться этим. Хотела сама пережить это все. Сама. Одна.

Поэтому, получив это сообщение, я переделалась в спортивный костюм и... убежала из дома. Куда? Не знала.

Да так торопилась, что кошелек забыла. А, когда увидела, что даже кофе себе не могу купить, возвращаться домой побоялась. Думала, что родители уже приехали. Думала, что приехали...

А они в тот момент уже были в больнице. Это мне потом врач сказал.

Они попали в аварию на обратном пути домой.

Они не должны были ехать. Не должны. Они всегда возвращались в воскресенье вечером.

Они поехали из—за меня...

Из—за меня они разбились.

До сих пор эта мысль как молотком стучит по моим мозгам.

Я виновата в смерти родителей. Только я...

Если бы они не поехали, то не попали бы в аварию... Были бы живы...

Все из—за меня.

Стираю слезы, вспоминая это все.

Телефон я выключила почти сразу же как сбежала из дома. А когда включила его снова, раздался звонок с неизвестного номера. И мужчина холодным голосом сказал, что мои родители погибли. Оба.

Я не поверила. Опять кто—то прикалывается? Или мошенники? Но мужчина назвал адрес больницы.

Дальше я не помню. Ничего не помню.

И только сегодня я решила вернуться домой. Забрать кое—какие вещи, деньги, документы и уйти. Куда—нибудь уйти. Не хотела оставаться в этой квартире. Тут все напоминало мне о маме. И о Родионе.

И как же я испугалась, увидев того самого мужика! Первая мысль — он меня нашел! Но как?!

До сих пор не могу поверить, что этот мудака оказался братом Родиона.

Отчим что—то мельком рассказывал. Не мне. Маме. Я иногда подслушивала.

Но я думала, брат этот умер у него. Ну, я так понимала по его рассказам.

А, может, мужик врет? И вообще он и не брат?

Но зачем ему это?

Отомстить мне?

Тогда почему он не сделал этого, когда узнал, кто я?

Значит, правда брат?!

Кошмар.

Голова начинает раскалываться от этого всего. Я не могу уследить за своим мыслями. Иду в свою комнату и прямо в одежде падаю на кровать. Веки сами опускаются.

Встаю рано утром. Сама встаю. Сажусь на кровати и долго смотрю в окно. Там солнце только начинает всходить.

Тело ломит.

Иду в душ и долго стою под каплями прохладной воды.

У меня больше нет мамы. У меня больше нет семьи. Я никому не нужна. И это только моя вина.

Выхожу из душа и на кухне долго смотрю в открытый холодильник. Взгляд замирает на начатой бутылке водки. Родион любил за ужином рюмку выпить.

Нет, он никогда не напивался. Я не помню его пьяным. Хотя водка и вино всегда у нас были.

Тянусь к бутылке рукой, но тут раздается звонок в дверь.

Глава 11. Марина

Не сразу открываю. Я никого не жду. Но звонок повторяется и голос незнакомый говорит через дверь:

— Вам посылка. Я курьер.

Смотрю в глазок — там и правда стоит парень в синей форме.

Открываю. Он протягивает мне небольшую коробку и просит расписаться. Прощается и сбегает вниз по лестнице.

Это что еще? От кого?

На коробке — мое имя. Значит, мне, а не родителям.

Открываю. Там конверт. А в нем небольшой листок, на котором от руки написано название кладбища и время.

В конверте еще лежат несколько купюр с припиской: «на такси».

Все это выпадает из моих рук.

Да, вспоминаю. Тот мужик говорил, что похороны сегодня.

Сегодня!

Смотрю на часы — еще есть время.

Я ничего не ем. Все время до выхода из дома просто сижу и плююсь в стенку. В шкафу фотографии мамы и Родиона. Встаю и кладу их. Не могу смотреть. Больно.

Похороны.

Иду в комнату и открываю шкаф. Нужно что-то черное. А у меня нет такого... никогда не любила этот цвет.

Тогда иду в комнату родителей. Там в шкафу нахожу мамину черную водолазку.

Стою в ней и разглаживаю по телу. Потом надеваю темно-синие джинсы, почти черные. Волосы собираю в незаметный пучок. И вызываю такси.

Через пятнадцать минут звонит водитель и говорит, что ожидает меня у подъезда.

Ещё несколько минут я настраиваюсь. А, когда выхожу на улицу, то чуть ли не в ступор вхожу.

У подъезда стоит Женя. С букетом гвоздик.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю, а сама обхожу его.

Зачем разговариваю с ним? Не хочу.

— Марин, стой, — Женя берет меня за локоть.

— Отпусти, — равнодушно произношу я.

— Я все знаю, — говорит он. — Я пришел... поддержать тебя. Марин?

Поднимаю на него взгляд. И так мне становится больно.

Пока никто не жалел, я держалась. А сейчас... Правду говорят, что жалость делает только хуже. Так и есть.

Потому что я, неожиданно для себя, начинаю реветь.

Слезы опять обжигающими ручьями бегут по щекам.

— Ну, все, малыш, — Женя берет меня за затылок и прижимает к своей груди. — Все. Теперь ты не одна. Все. Не плачь.

— Вы ехать-то будете? — слышу голос из-за спины Жени.

Выглядываю. Это водитель такси. Я и забыла о нем.

— Это за тобой? — спрашивает меня Женя.

Киваю.

Он идет к машине такси и о чем-то говорит с водителем. Потом протягивает тому пару купюр. Такси уезжает, а Женя возвращается ко мне.

— Что ты сказал ему? — спрашиваю я.

— Что нам не нужно такси. Я отвезу тебя. Садись, — и открывает дверь своей машины. И меня опять на слезы пробивает. Он такой заботливый. В такую минуту только он меня поддерживает.

До кладбища мы едем молча. А там, когда я выхожу из машины, то сразу же встречаюсь с тяжелым взглядом ледяных глаз того самого мужика, который назвался братом Родиона.

Он с кем—то разговаривает, но, заметив меня, машет собеседнику рукой и идет ко мне. Инстинктивно делаю шаг назад и попадаю в руки Жени.

— Все в порядке? — спрашивает он, обнимая меня за талию.

Ответить не успеваю, потому что к нам подходит мужик и зло зыркает то на меня, то на Женю.

— Это кто? — кивает на него и впивается в меня взглядом.

— Друг, — отвечаю я.

— Нашла место ебарей своих водить, — цедит он недовольно и еще раз проходится по фигуре Жени.

— Марин, это кто? — спрашивает тот.

— Рот закрой, — грубит мужик. — Хочешь поговорить — потом поговорим. Сейчас еще один звук из тебя — и полетишь в свежую яму. Понял?

Женя опускает взгляд.

Он поступает правильно. Не надо уподобляться этому уроду.

Когда начинается все, у меня внезапно бьет в виски острая боль. Потираю их и пытаюсь мыслить здраво. Но не могу. Ком в горле и слезы не дают.

Все проходит как в тумане.

Мы выходим с кладбища.

— В машину садись, — рявкает на меня внезапно мужик.

Зажмуриваюсь, чтобы слезы скатились по щекам, и смотрю на него удивленно.

— Я сказал, садись в тачку. Поедем, поговорим, — он ступает ко мне, но тут между нами встает Женя.

— Мне кажется, Марина не хочет с вами ехать.

Мужик приподнимает бровь и с интересом смотрит на парня.

— С дороги уйди, — шипит сквозь зубы.

— Рамиль, — я впервые называю его по имени. Отодвигаю Женю и смотрю мужику прямо в глаза. — Во имя памяти брата. Прошу. Дайте нам уйти. Оставьте меня. Я не нуждаюсь в вашей помощи. Спасибо за все, что вы сделали. Но теперь все. Не надо. Я сама справлюсь.

Он с прищуром оглядывает меня с головы до ног и хмыкает. Разворачивается и уходит, не сказав ни слова.

Глава 12. Марина

— Спасибо тебе, Жень, — говорю я, тогда мы подъезжаем к моему дому.

— А что это за мужик? Ну, там, на кладбище? — спрашивает Женя.

— Типа родственник, — отвечаю коротко и отворачиваюсь к окну.

— Ну, вот, ты и дома, — Женя паркуется на парковке рядом с домом.

— Спасибо ещё раз, Женя, — искренне благодарю я. — Ты и правда мне очень помог.

— Марин, по поводу того раза, — заглядывает мне в глаза. — Это моя бывшая девушка.

Мы расстались давно уже. Ещё до того, как мы с тобой познакомились.

— Жень, не надо. Это не важно.

— Важно, Марина. Я хочу, чтобы ты знала. У меня с ней все. Она пришла за вещами.

— Но она голая была, — смотрю на него удивлённо. И прикусываю себя за язык. Зачем?

Мне же все равно.

Женя тяжело вздыхает, сжимая руль. Опускает взгляд.

— Она хотела снова попробовать. Попыталась соблазнить меня. Но ничего не было, Марин, — опять смотрит мне в глаза. — Не было. Я послал ее. Все. Теперь точно все. Она забрала вещи и ушла. Верить?

Молчу.

— Марин, скажи, веришь или нет? — настаивает он. — Мне это важно!

— Зачем? — спрашиваю я.

— Как «зачем»? — смотрит удивленно. — Потому что я хочу с тобой быть.

В груди все замирает. Он это сказал? Правда?

— Ты мне нравишься. Очень, — продолжает Женя. — Давай попробуем вместе?

— Я не знаю, — все еще сомневаюсь.

Честно говоря, сейчас я вообще не настроена на такие беседы.

— Я понимаю, как тебе тяжело сейчас, — Женя берет мою ладонь и сжимает ее. — У тебя очень тяжелый период. Поэтому я и хочу быть рядом. Чтобы ты не чувствовала себя одна, Марина. Да?

Подносит мою ладонь к своим губам и целует.

— Ну, хорошо, — отвечаю несмело. — Я подумаю.

Берусь за ручку двери, чтобы выйти.

— Я провожу, — Женя быстро отпускает меня и выходит первым. Помогает мне.

Как только мы заходим в квартиру, на меня опять накатывают слезы. Я совсем одна.

— Ну, не плачь, малышка, — чувствую, как Женя приобнимает меня сзади. — Ты не одна. Это главное. Ну, не плачь.

Разворачивает меня к себе и обнимает. И я реву у него на груди.

— Знаешь, что? — произносит Женя. — Я сегодня у тебя останусь.

Испуганно вскидываю на него взгляд и мотаю головой.

— Да не бойся ты, — улыбается он. — Я здесь лягу, на диване. А ты в своей комнате.

Не могу тебя одну оставить. Нельзя тебе одной.

— Но...

— Ты что? Не доверяешь мне? — смотрит на меня пронзительно.

— Не знаю... Это все... Как—то... Не знаю...

— Знаешь, Марин, — тяжело вздыхает Женя, — на самом деле, я хотел попросить тебя о помощи.

Удивлённо смотрю на него.

— Меня из общаги выгнали, — говорит и смотрит так.

— Почему? Что случилось?

— Ну, подставили. И бывшая наврала ещё. В общем, там разбираться будут. Я думаю, вернут. Но, блин! Пока выгнали. А мне даже и ехать некуда. Я же не местный, — и вздыхает.

И смотрит. Так смотрит на меня.

— Ну, я не знаю... Хорошо, оставайся... Пока... Только, Жень...

— Ты просто супер! Детка! Ты просто нереальная! Настоящая подруга! Спасибо тебе! Я недолго. Я уже ищу, Марин. Ты не переживай! Супер!

И он сильнее обнимает меня.

А я... я не знаю, что чувствую. Тревогу? Но разве Женя не помог мне? Разве не он оказался со мной в трудную минуту?

И потом он же обещает, что все нормально будет. Пусть спит на диване. Не могу его прогнать. Не могу.

Мы так и укладываемся. Я даю Жене чистое постельное бельё и ухожу в свою комнату.

Долго смотрю в окно. Ни одной звёзды на небе. Там также одиноко, как и у меня на душе сейчас.

В конце концов, закрываю плотнее дверь и ложусь в кровать. И почти сразу же проваливаюсь в пустоту.

Сплю беспокойно. А когда в очередной раз вроде бы засыпаю, чувствую чье—то дыхание совсем рядом.

Глава 13. Марина

Думаю, наверное, сон. Но потом кто—то обхватывает меня и я пытаюсь приоткрыть глаза. И что—то сказать.

— Тихо, малышка, — слышу за спиной голос Жени и вздрагиваю.

Сразу же просыпаюсь. Резко поворачиваюсь к нему и вижу в лунном свете его лицо.

— Женья? — откашливаюсь. — Что ты тут делаешь? — чуть трясую головой, прогоняя окончательно сон.

— Пришел утешить тебя, — тянется он ко мне. — Ну? Иди ко мне, малыш. Я помогу тебе.

И руки его плотнее сжимают меня.

— Ты что? — пугаюсь я. — Ты... Ты пьяный?

Принюхиваюсь и мне кажется, что я чувствую запах алкоголя.

— Тебя тоже угостить? — улыбается он. — Давай. Расслаблю.

— Женья...

Мне становится реально страшно. Но надежда образумить парня ещё теплится.

— Тихо. Давай, выпей. Легче станет, — и он вдруг хватает меня за щеки и сдавливает их.

А потом я чувствую горькую жидкость. Он вливает в мой приоткрытый рот что—то.

Морщусь и пытаюсь увернуться, но он крепко держит. Наконец, относит от моего рта бутылку.

— Ты что, Женья?! — кричу я. — Отпусти! Уходи!

— Да ладно тебе, — усмехается криво и оказывается на мне. — Мы же вместе жить будем теперь. Что ты одна—то? Все равно хата пустая. А я хороший. В сексе все могу. Давай, пора уже. А то зарастёт все.

И громко смеётся.

— Женья! — кричу я и со всех сил пытаюсь оттолкнуть его.

Но силы, конечно, не равны.

Он буквально придавливает меня к кровати. Так, что дышать не могу. Задыхаюсь.

— Пусти! — колочу его, когда он целует меня в шею и руками тянет вниз топ с меня.

— Тихо, соседей разбудишь, — хрипит он каким—то чужим голосом. — Рот заткну а то. Тихо, блять! Все равно мне бы дала! Хватит тут строить из себя. Что, думаешь, не знаю, зачем тогда приходила? Сейчас все сделаем! Я хорошо трахаюсь. Ну—ка, что там у тебя? — и рукой лезет мне в трусы.

Я дергаюсь из стороны в сторону.

— Да хватит, блять! — и хлесткий удар по щеке.

И я замираю.

— Вот так, — хрипит он, раздвигая мне ноги. — Сука. Будешь слушаться меня. Блять.

Я все ещё не могу в себя прийти от удара.

Он ударил меня?! Он...

Слезы горячими струйками стекают по вискам, а меня тошнит от поцелуев. От этих липких противных касаний.

— Ну, вот, видишь, — усмехается Женья. — Сейчас все сделаем. Сейчас. Ух, и заживём мы с тобой, целочка моя. Целочка. Сейчас.

Я зажмуриваюсь, готовясь к самому страшному. Все сжимается внутри.

Но нет, Марина, нельзя сдаваться. Нельзя!

Собираю остатки сил для последнего толчка и тут слышу грохот. Словно хлопок двери.

Не успеваю сообразить, как Женья застывает надо мной, и кто—то словно убирает его с меня.

Быстро отползаю назад, вглядываясь в темноту. И тут же зажимаюсь из—за внезапно вспыхнувшего яркого света.

— Сууууука, — жалобно тянет Женя и я приоткрываю глаза.

И вскрикиваю. Потому что перед кроватью стоит... Тот самый мужик, который представился братом Родиона. Я в таком шоке, что даже не могу вспомнить его имя.

Он, как мне кажется, с ненавистью смотрит на меня и одной рукой держит за шкуру Женю. А у того уже трусы спущены.

— Я смотрю, поминки в самом разгаре? — шипит мужик, встряхивая Женю и отпинывая ногой бутылку от кровати.

— Что... Что вы тут делаете? — наконец, могу произнести я и тяну на себя одеяло.

Этот урод, всё—таки, порвал на мне топ.

— Пришел проверить, как ты тут одна справляешься, — усмехается мужик. — Что ж, вижу, что хреново. Собирайся! — рявкает.

— Ты кто такой? — мычит невнятно Женя, чем обращает на себя внимание мужика.

Тот медленно поворачивает к нему голову и ещё раз встряхивает его.

— Да я тебя... — начинает Женя.

Мужик тащит его в коридор и я слышу звуки ударов. А потом хлопок двери.

И мужик опять здесь, в комнате. Но без Жени.

— Собирайся, я сказал, — цедит он мне. — Оглохла?

— Куда? — спрашиваю дрожащим голосом, натягивая одеяло ещё выше.

Мужик оглядывает комнату. Хмыкает. Подходит ко мне и дёргает одеяло. А потом одной рукой подхватывает меня и закидывает себе на плечо.

— Эй! — кричу я возмущённо и тут же получаю по попе.

Больно так получаю. Даже замолкаю сразу. Подпрыгиваю у него на плече. И мысли в голове подпрыгивают.

Может, это сон? Снится мне все это?

Пока думаю, мужик выносит меня из квартиры. Опять хлопает дверью.

Нет. Все же не сон.

Потому что на лестнице на первом этаже сидит Женя и держится за голову.

— Ты здесь ещё?! — рычит на него мужик и пинает его.

Буквально вышвыривает на улицу, выходя туда и сам со мной на плече.

— Проваливай, я сказал тебе! — сплевывает на асфальт рядом с Женей. — Ещё раз увижу!

Парень не дожидается окончания фразы. Кое—как встаёт и, скрючившись, убегает к своей машине.

А меня тоже закидывают в машину. Правда, в другую.

Глава 14. Рам

Когда я увидел эту стерву вместе с утырком, у меня прямо всколыхнуло все в груди. Быстро же она утешилась. Уже подцепила кого—то. А тот придурок ещё так прижимался к ней. Я кое—как дотерпел до конца церемонии. Прав был Родион. Прав. Девка без башки. За такой и правда присмотр нужен. Тогда и понял, что должен забрать ее. Ну, раз брат просил. Только поэтому. А потом она вместе с этим придурком чуть ли не послала меня. И я плюнул. Да пошла бы она! Ещё я не парился из—за какой—то дуры! Хочет проблем? Мешать не буду. Ушел. А сам наблюдал. А она села в тачку к этому недоноску! Ну, и куда он ее повез?! Быстро попрощался со всеми и поехал в бар. Сидел там и просто пил. Брата вспоминал. Прошрое, которое, сука, никак не хотело отпустить. Пару раз шлюхи пытались подсесть за мой столик. Я грубо посылал их. И почему—то вспомнил эту пигалицу тогда на заправке. Посмотрел на часы. Половина первого. Самое время проведать, как там самостоятельно поживает моя подопечная. Не знаю, что меня дёрнуло ехать к ней в этот час. Может, обещание, данное брату. Может, то, что она садилась в машину того утырка. Но теперь я оказался здесь. Ключ у меня есть. А звонить — это значит будить. А вдруг спит? Херня, конечно. А оказаться ночью в квартире — это, конечно, совсем не потревожить. Да и похуй. Если я решил что—то сделать, то похуй на причины. Захожу в квартиру осторожно. И тут до слуха моего доносятся какие—то странные звуки. Возня какая—то. Шепот, хрипы. Да твою ж мать! Трахаются, что ли?! И такое меня зло берет. Хотя не понимаю, почему. Меня—то это как касается? Ну, взрослая девка. Привела домой ебаря. Почему бы и нет? А нет, сука! Нет! Хватаю дрища за шкирку и стаскиваю с девки. Ты смотри. Едва успел. Штаны, сука, уже стянул и отросток свой приготовил! От омерзения морщусь. И эта лежит, глазами хлопает. Что? Обломал тебя? А взгляд сам на грудь скользит. Сосок, вон, выглядывает. Девка чувствует взгляд мой. Пытается прикрыться. С этим ушлепком разговор короткий: за шкирку и за дверь. Возвращаюсь в спальню. И не думает собираться. Заебала. Я не воспитатель ни хера и терпения у меня вообще нет. Поэтому просто беру ее на плечо и ташу в тачку. По пути ещё раз пинаю придурка. Завожу машину и, бросив гневный взгляд на девку, резко газую. — Куда вы везёте меня? — она задает всего лишь один вопрос. И одного моего взгляда хватает, чтобы она заткнулась.

Бойтся.

Вот так—то лучше.

До дома доезжаем быстро.

— Выходи, — бросаю ей и глушу мотор.

Но опять не слушается. Так и сидит там. Ладно. Так даже проще.

Просто сгребаю ее в охапку и несу в дом, не обращая внимания на жалкие удары по спине и попытки пнуть меня в лицо.

Ставлю на пол уже в гостевой комнате. И эта дикая кошка тут же бросается к двери. Перехватываю ее за талию и приподнимаю. Швыряю на кровать.

Глаза выпучила. Смотрит с ненавистью и испугом.

— Спать ложись, — твердо говорю я, стараясь не смотреть на голое плечо и на ладонь, удерживающую порванную бретельку.

— Я буду спать в своей квартире, — сдвигает брови и цедит сквозь зубы.

— Утром поговорим. Спи давай.

— Отпусти меня! Ты не имеешь права! Я сама!

Раздражает своими визгами.

Резко ступаю к ней и хватаю за подбородок. Тут же затыкается. Наклоняюсь и очень тихо и медленно говорю ей прямо в лицо:

— Сейчас ты ляжешь спать. Здесь. И будешь спать тихим и спокойным сном. Не тревожа меня. Если я услышу хоть звук, то досыпать ты будешь в наручниках у батареи. А утром мы поговорим. Уяснила?

Молчит.

Встряхиваю ее за подбородок.

— Уяснила? Фу, блять, — плююсь, учуяв запах водки. — Ты пила, что ли?! Тьфу!

Ненавижу пьяных баб! Это самое мерзкое, что было в моей жизни.

— Спи, блять! — отталкиваю ее от себя и выпрямляюсь.

Хлопает глазами. По взгляду вижу, что поняла меня.

Иду к двери. И, прежде чем выйти, говорю, не оборачиваясь:

— Захочешь сбежать — во дворе собаки. Спасать не выйду.

Захлопываю за собой дверь и закрываю ее на ключ.

В своей комнате сажусь на кровать и тру ладонью затылок.

Что за хренотень происходит? Нахера я себе проблемы ищу? Нахера?!

Пусть бы делала, что хочет. Трахалась, с кем хочет.

Мое какое дело?!

Идиот!

Идиот.

Матерюсь и иду в душ.

Ночь проходит спокойно. Даже собаки ни разу не гавкнули. Похоже, испугалась девка по —настоящему.

Утром встаю сам.

Суббота.

Обычно я в пятницу телку снимаю и в субботу встаю уже с пустыми яйцами. А сегодня утренний стояк приходится успокаивать в душе.

Одеваюсь и иду вниз. В гостевую комнату.

Глава 15. Рам

Открываю дверь и едва успеваю схватить девчонку. Видимо, ждала меня, чтобы выско-
чить.

Наивная.

Швыряю ее опять на кровать. Осматриваю.

Так—так, уже в халате. Нашла, значит, в ванной. Ну, хоть закрыла все.

— На пробежку собралась? — ухмыляюсь я, поправляя часы на руке и глядя на нее
исподлобья.

— Отпустите меня. Вы же понимаете, что поступаете неправильно. Вы не можете меня
здесь держать насильно. Я уже совершеннолетняя! И у меня есть, где жить!

Я лишь ухмыляюсь в ответ. Прохожу в комнату.

— Я обещал брату, что позабочусь о тебе, — говорю спокойно. — После вчерашнего
понимаю, почему он просил об этом. Пить и трахаться в день похорон, — и качаю головой.

Девчонка подгибает коленки в груди и обнимает их руками. И голову опускает. Неужели,
стыдно?

— В общем, жить ты будешь здесь. Под моим присмотром. Иди давай завтракать. Потом
поедем на квартиру за твоими вещами. Чем хоть занимаешься—то? Работаешь? Или у роди-
телей на шее сидела? Или погоди, — усмехаюсь, — о чем это я? Зачем тебе работать? Всегда
же можно украсть. Да?

Поднимает голову и пронзает меня взглядом, полным ненависти.

Но меня вообще не трогает. Смешит только.

— Короче, давай. Выходи. Позавтракаем и поедем. У меня дела ещё сегодня, — смотрю
на часы. — И да. Чтобы ты знала. Ты же хозяйка квартиры, — ухмыляюсь. — Замок там
сменяют. Ключи только у меня. Ясно?

И опять лишь ненавистный взгляд в ответ.

Вот, блять, получил я себе геморрой, чувствую. Сука. Но ничего, пообломаю. Научу, как
надо со старшими.

На завтрак эта дрянь не приходит. Нахожу ее в коридоре. Стоит, ждёт меня в халате.

Я не отпускаю случая усмехнуться ее виду. Всю дорогу, к счастью, молчит. На мозги не
капает.

В квартиру брата мы заходим вместе.

— Собирай шмотки, — команду я, плюхаясь в кресло. — Только быстро. Бери самое
необходимое. Остальное купишь.

— У меня денег нет, — цедит она.

— Ну, одолжу тебе, — усмехаюсь я. — Отработаешь. Мне как раз помощница нужна
по дому.

Опять зло зыркает на меня.

А мне прямо нравится доводить ее. Сам не понимаю, почему, но испытываю кайф, видя
вот этот взгляд.

Ладно. Что я как пацан?

Закрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла. Пусть собирается.

Но тут же чувствую какое—то резкое движение.

Распахиваю глаза и выставляю вперед руку. Успеваю перехватить ладонь девчонки с
какой—то статуэткой над моей головой.

Резко встаю и толкаю ее на диван. Наваливаюсь сверху, все ещё сжимая ее кулак. Стату-
этка с грохотом падает на пол.

— Вырубать противника надо после того, как он окончательно расслабиться, а не как только он глаза закрыл, — рычу я, взглядом блуждая по этому красивому, но злому сейчас лицу.

Девчонка начинает дёргаться подо мной. Мотает головой.

И эти ее движения, блять. Я чувствую, что возбуждаюсь. Специально прижимаюсь к ее ноге пахом, а член уже каменеет.

Да что это? У меня что? Стоит на эту курицу?!

— Не дергайся! — усмехаюсь я.

— Отпустите меня!

— Просто уясни правила. Будешь послушной и все будет нормально. Нахер бы ты мне не сдалась, если бы не брат. Но раз уж так случилось, то будешь слушаться. Иначе...

— Что? — смотрит упрямо, нахмурившись.

— В полицию сдам. Вот что.

Замолкает. И, сука, губу прикусывает.

И этот ее жест. Блять!

Я напрягаю бедра, чтобы не толкнуться ими. И, сука, член просто каменеет.

Быстро встаю с нее и отворачиваюсь.

— В машине жду тебя. У тебя двадцать минут. Все.

И ухожу.

Глава 16. Рам

Смотрю на часы. У этой стервы осталось ещё две минуты. Если не выйдет...
Но нет. Появляется из подъезда с двумя сумками. Уже переоделась.
Открываю багажник, не выходя из машины. Не заслужила.
Наблюдаю в зеркало, как она кладёт сумки и идёт к двери. Садится. И сразу отворачивается.
Я лишь хмыкаю и завожу машину.
Едем молча. Но мне похуй. У меня сегодня важная встреча с будущим подрядчиком. Неформальная встреча. Но от нее многое зависит. Об этом и думаю.
— Вы же понимаете, что не правы? — раздаётся сбоку тонкий голосок. Я даже не сразу понимаю, кто это. Весь в своих мыслях.
Медленно поворачиваюсь к девке. Мы как раз на светофоре встаём.
Это она мне, что ли? Это я не прав?
Окидываю ее оценивающим взглядом. А она зажимается, но продолжает смотреть в глаза.
— Я уже взрослая и у меня есть, где жить, — девка облизывает губы и продолжает. Я опять смотрю вперёд. Мы трогаемся.
— У меня есть дела. А мы с вами абсолютно чужие. Я вас не знаю и я вас... боюсь...
О, а это мне уже нравится. Не совсем тупая. Довольно усмехаюсь. Но ничего не отвечаю.
— У вас своя жизнь, а у меня — своя. Я понимаю, что вы пообещали брату, но...
Мы подъезжаем к дому. Я паркуюсь и поворачиваюсь к девке.
— Выходи.
— Вы слышали, что я вам говорила? — продолжает бесить меня.
Волосы в хвост собрала, а все равно, сука, красивая. Теперь прямо четко шею видно и вену, которая бьется. От страха бьется.
Так, блять. Не смотреть туда.
Отворачиваюсь и выхожу сам. Открываю дверь ей.
— Выходи, — повторяю строже. — Ты хотела поговорить? Поговорим. В доме поговорим. Как нормальные люди. Ну, или хотя бы я сделаю вид, что ты такая.
Хмыкаю, замечая, как она недовольно поджимает губы, но выходит.
— Давай в кабинет, — говорю я, глядя на часы. Опаздывать нельзя.
Сажусь за стол и жду, когда девка сядет напротив.
— Значит так, — произношу строго. — Комната где твоя, уже знаешь. Сидишь в ней тихо. Выходишь редко. Работаете?
Девчонка поднимает на меня полный ненависти взгляд. А брови—то как нахмурила. Думает, что я проникнусь ее обидой? Смешно просто.
И не отвечает, сучка.
— Не работаешь, — делаю вывод я. — Значит, сидишь тут и не мелькаешь лишний раз. Если понадобится в город съездить, отпрашиваешься у меня. Все.
— Я учусь, — произносит она, наконец. — Мне надо на занятия ездить. Я не буду бросать университет. Если вы...
Блять. Опять угрожать собирается? Ставить условия?
Чувствую, что бешусь. Да почему она так действует—то на меня?
Вот, смотрю в эти злые глаза и прямо бешусь.
— Учишься? — спрашиваю с ухмылкой. — Пиздишь опять? Какая из тебя студентка?
Ты же только воровать умеешь.
— Прекратите, — обрывает меня она.

Я даже не сразу понимаю это. Охуеваю от такой дерзости.

И почему, сука, мне хочется встать, подойти к ней и накрутить ее волосы на кулак? Стянуть их, чтобы смотрела на меня снизу вверх?

Нет. Все.

— Ещё раз обратишься так ко мне и будешь наказана, — цежу сквозь зубы.

— И что же вы сделаете? — наглеет девчонка.

— Поверь, тебе лучше не знать. Тебе не понравится. Марина, — говорю жёстко, — я выполню волю брата, чего бы мне это не стоило. И если для этого понадобится, пообломать тебя, — красноречиво смотрю на нее и беру паузу.

Опускает взгляд.

Вот так. Ухмыляюсь. Уже лучше.

— В университет свой можешь ездить, — говорю снисходительно. — Но, если узнаю, что ты там блядством занимаешься, — девчонка опять вскидывает на меня свой адский взгляд, — посажу под замок. Ясно?

Молчит.

— Ну?!

— Ясно! — рывкает зло и пыхтит так, что аж шторы на окнах колышутся.

Все это так забавляет меня. Откидываюсь на спинку кресла и наблюдаю за своей подопечной.

А что? Мне кажется, из меня выйдет отличный воспитатель. Вон, как слушается.

Зная Родиона, девчонке явно не хватало ремня. И по губам никто не давал.

Опускаю взгляд на них. И дышать чаще начинаю.

Потому что, сука, представляю, как прохожусь ремнём по этой заносчивой заднице. Без трусов, разумеется.

А ещё вспоминаю, как эти самые губы, по которым надо бы дать, касались моего члена. И как касались, сука!

Пиздец. Я смотрю на губы девки и у меня встаёт. Под столом шире ноги расставляю, потому что начинает давить.

Нет, блять. Надо трахнуть кого—то. Срочно.

— Все? — из ступора меня выводит злой голос.

Поднимаю на нее взгляд.

— Я могу идти?

— Пойдешь, когда я разрешу, — цежу я. — Этот ушлепок, ебарь твой. С тобой учиться?

Виджу, не нравится ей. Отворачивается.

— Не слышу! — рывкаю я.

— Он не мой... ну, этот.. как вы его назвали...

— Ебарь? — мне нравится, что она смущается от этого слова.

Ах да, девочки же так не называют тех, кто их трахает. Строит тут из себя! Как будто я не видел! И водку видел, и ебаря ее. Да я снял его с нее!

Опять бешусь. Зато возбуждение спадает. В этом плюс.

Быстро рукой под столом поправляю член ото шва.

— А кто он? — зачем—то спрашиваю. Нахрена?

— Мне кажется, моя личная жизнь вас не касается.

О как.

— Твоя личная жизнь теперь, — говорю с ухмылкой, — отучилась в универе и быстро домой. В свою комнату. Учить уроки. В общем, еще раз увижу этого ушлепка рядом с тобой, — грозно смотрю на нее, но понимаю, что страха в ее глазах нет. Не боится, стерва. Но все равно заканчиваю фразу: — ему яйца оторву, а тебе устрою вылет из универа. Ясно?

Сжимает губы и щурит глаза. Ненавидит меня. Прямо читаю это во всем ее облике. В каждой эмоции на лице. И в сжатых кулачках.

Но я жду ответа.

А вместо него девка вдруг вскакивает с кресла и, не произнеся ни слова, шагает к двери.

Просто охуела.

Нажимаю на кнопку под крышкой стола и двери тихо блокируются.

Тоже встаю и поправляю член, пользуясь тем, что девчонка ко мне спиной. Потом поправляю бляшку ремня и неспеша иду к заблокированной двери.

Глава 17. Рам

Марина как раз берет за ручку и отчаянно начинает пытаться открыть дверь.
До чего же наивная.
Подхожу и упираюсь ладонью в дверь.
Девчонка сразу же разворачивается ко мне лицом. Смотрит теперь уже испуганно.
Вот так, девчонка. Вот так.
— Заблокировано, — говорю я, усмехаясь уголком губ.
— Откройте, — просит она. — Я хочу уйти. Мне не нравится это все.
— Думаешь, я в восторге? Но раз обещал, то слово сдержу. Да и вижу, что прав брат—
то был. Дурная ты. Глупая. Мозгов вообще нет.
— Прекратите меня оскорблять! — чуть ли не топают ножкой.
А я лишь усмехаюсь.
Почему мне нравится доводить ее до такого состояния? Это я типа мщу ей за покусанный член? Хм. Или давно таких эмоций у баб не видел?
Да и похрен. Не хочу копать.
Если нравится, значит буду продолжать.
— Я не оскорбляю, девчонка. Что ты. Не начинал даже. Это же констатация факта. Глупая и мозгов у тебя нет.
— А вы... вы! Вы!
Ну? Удиви меня.
— Вы просто чудовище! — почти хныча произносит она. — Я вас ненавижу!
— Рад слышать, — ухмыляюсь.
— Я все равно сбегу!
И дергается от меня. Но я реагирую быстрее. Выставляю вперед коленку четко ей между ног. Прижимаю к двери.
Она тут же упирается руками мне в грудь. Пытается оттолкнуть. Но я и сам не приближаюсь.
Беру ее за подбородок и сжимаю пальцы.
Марина не сводит с меня глаз.
— Послушай меня внимательно, — цежу я. — Говорю тебе в последний раз. Так и быть. Повторю. Раз глупая такая. Если попробуешь сбежать, я сдам тебя в полицию. Поверь мне, у меня получится. Подключу кого надо и срок тебе обеспечен. Будешь там ума набираться. Тоже под присмотром, — ухмыляюсь. — Так что, выбирай. Или здесь, по моим правилам. Или...
Мелкая такая. Как птенчик. Вот, то ли дело Леонка! Почти с меня ростом. И уцепиться есть за что. Сиськи — каждая как моя голова.
Сиськи.
Взгляд невольно скользит на грудь девчонки.
Сука. Нет.
Вспоминаю, как мям ее в машине.
— Решила? — быстро поднимаю взгляд опять на лицо.
Чувствую, как девчонка встает на цыпочки, чтобы моя нога не касалась ее между ног. А я, наоборот, прижимаю ногу.
Играет зачем—то. Ебари уже есть. Или я так противен?
— Ну?! — рычу я и специально прижимаюсь пахом к ее боку.
Глаза Марины становятся круглыми. То ли от предполагаемого срока заключения, то ли от того, что она чувствует мой стояк.
Ну да, блять. У меня опять стоит.

Все эти споры так заводят меня. Что за херня, вообще?! Это же ненормально!

Может, потому что давно никого не трахал?

— Мне больно, — пищит девчонка, не уточняя, где именно. На подбородке, который я сжимаю с силой, или в боку, куда тычется мой член.

Я выдыхаю и отпускаю ее. Отступаю на шаг и тру глаза пальцами.

— Марина, — говорю уже спокойнее, — твое поведение только усугубит все. Ничего не изменится. Ты живешь здесь и слушаешься меня. Если нет — сядешь. Гарантирую. Если увижу того урода — пожалеешь. Все ясно?

На этот раз ответа не дожидаясь.

Открываю дверь, отодвигая девчонку от нее.

— В выходные сидишь дома. Учишь уроки, — говорю, уже выходя из кабинета. — Попробуешь сбежать — мне доложат.

— Мне вообще никуда выйти нельзя?!

Смотрю на нее гневно.

— Нет! — рывкаю и захлопываю за собой дверь.

Ну, что за стерва!

Глава 18. Рам

Я еду на прием в дом Дмитрия. Это мой новый подрядчик и контракт с ним очень важен для меня. Поэтому надо думать о нем, а не о...

Чувствую, что опять бешусь от одного воспоминания. Но я заставлю эту дрянь слушаться меня.

Теперь уже дело принципа.

— Ты что—то взвинчен, — Дмитрий протягивает мне руку, встречая у дверей своего дома.

— Неделя тяжёлая выдалась, — отвечаю на приветствие.

— Ясно. Ну, отдохнем сегодня. Ты один?

— Да.

— Тогда девочек закажем, — подмигивает мне Дмитрий.

— Можно, — соглашаюсь я.

С этими заботами толком и не трахался.

В компании у Дмитрия кроме меня ещё пять мужиков. Сначала идет обычный разговор по делу. Мы обсуждаем будущий контракт, другие вопросы.

Уже ближе к вечеру алкоголь всех расслабляет и бизнес уходит на второй план.

— Развлечемся? — спрашивает с ухмылкой хозяин дома, доставая очередную бутылку виски.

— Девоч вызывай! — кричит ему один из мужиков.

— Едут уже. Предзаказ! — ржет Дмитрий.

И минут через двадцать в комнату заходят четыре девицы. Дорогие проститутки, судя по виду.

Наблюдаю за ними, попивая виски.

Одна из них замечает мой взгляд и кошачьей походкой идёт ко мне. Садится на диван рядом.

— Скучаешь? — и смотрит так, как будто уже оценила, сколько сможет поиметь с меня, если мне понравится.

— А ты хочешь развлечь? — спрашиваю, отпивая виски.

Вместо ответа она садится мне на колени и начинает тереться задницей об меня.

Я сижу и с ухмылкой наблюдаю за этим.

Шлюха гладит меня по груди, продолжая елозить на мне. А потом наклоняется и шепчет:

— Пойдем.

Встаёт с меня и берет за руку. Иду за ней.

Она приводит меня в какую—то комнату с большой кроватью.

— А ты, я смотрю, здесь уже все знаешь, — усмехаюсь я.

— Дмитрий — постоянный клиент. И его гости должны быть довольны. Меня Илона зовут, — произносит шлюха и берет за мой ремень.

— Да похуй, — отвечаю я и давлю рукой ей на плечи, заставляя опуститься на колени.

Она делает это. Облизывает губы и быстро освобождает член.

— Ого, — говорит восхищённо. — Вот это размерчик!

— Делом займись, — рычу я и стягиваю ее волосы.

Шлюха начинает работать ртом и языком. Я закрываю глаза.

Это то, что мне реально нужно. Чтобы снять напряжение. Расслабиться.

От ласк член каменеет и, чтобы дать себе быстрее разрядку, я толкаю шлюху к стенке и начинаю сам долбиться ей в рот.

Резко и глубоко.

Она затылком упирается в стенку и не может сопротивляться. По подбородку течет слюна и я слышу хрипы. Но останавливаться не собираюсь. Легче мне не становится и это злит.

Вынимаю член из глотки шлюхи и толкаю ее на пол:

— На четвереньки вставай, блять! — рычу ей и достаю презерватив.

Быстро раскатываю его.

Подхватываю шлюху за талию и ставлю раком на кровать. Вот так удобнее.

Раздвигаю шире ноги и одним толком захожу сразу полностью.

— Сука, — шиплю я.

— Ааааа! — кричит шлюха.

— Заткнись, блять! — шлепаю ее по заднице и начинаю долбить ее дырку.

Я трахаю ее, стиснув зубы и вцепившись пальцами в толстую задницу.

Ещё и ещё. Но, сука! Легче не становится. Наоборот — я злюсь. На шлюху. На себя. И ещё что—то не даёт отпустить себя.

— Не могу больше, — стонет шлюха. — Давай ртом доработаю?

— Молчи, блять! — опять сильно шлепаю ее по заднице.

Вынимаю член и раздвигаю булки. И третья дырка рабочая. Вон, как разработана.

Приставляю туда член и протискиваюсь.

— Нет! — шлюха начинает дёргаться. — Порвешь! Огромный! Нет! Не на полную только!

Давлю на нее рукой и головкой уже захожу в узкую щель. И потом один толчок и под крик шлюхи я в ней.

Тяжело дышу. Да. Так лучше.

Вдыхаю и начинаю толкаться. Не так резко и сильно. Но шлюха все равно чуть ли не ревет.

— Терпи, блять, — шиплю я, ускоряясь. — Сука!

И несколько глубоких толчков и я, и наконец, кончаю. Наполняю презерватив.

Со стоном рычу, толкаясь ещё.

Уже лучше.

Вынимаю член и шлюха падает на кровать и часто дышит.

Я снимаю презерватив и выбрасываю его в мусорку. Заправляю член, чувствуя хоть небольшое облегчение.

Достаю пару купюр и кидаю перед лицом шлюхи:

— Доплата за неудобства!

Она все ещё лежит, но рукой сграбастывает деньги.

Я усмехаюсь и поправляю яйца. Смотрюсь в зеркало на довольную ухмылку и захожу из комнаты.

Ещё какое—то время сижу, попивая виски. Но, когда начинается всеобщее блядство, прощаюсь и еду домой.

Приезжаю уже ночью.

Захожу и прислушиваюсь. Дома тихо.

Иду к бару в гостиной и ещё добавляю виски. Ну, почти охуенно.

Член получил свое. Поимел шлюху во все дырки. Расстёгиваю рубашку и довольно потираю грудь. Ещё отпиваю.

Спать.

Иду в спальню, но, выйдя в коридор, останавливаюсь и поворачиваю голову в отсек, где находится гостевая комната.

Стою и тру подбородок.

А как же там поживает моя подопечная? Спит? Не сбежала же?

Надо бы проверить.

Надо.

Хотя, блять, если бы она даже попробовала сбежать, я бы сразу узнал. Но нахожу причину, чтобы подойти к ее двери и взяться за ручку.

Глава 19. Рам

Тихо открываю дверь. В комнате полумрак.
Стою в дверях и осматриваюсь.
Жалюзи девчонка не опустила, поэтому комната освещается лунным светом.
Взгляд падает на кровать.
Так. Спит, значит. Лежит на боку, лицом ко мне.
Глаза уже привыкли. Вижу ее отлично
Ну? Убедился? Спит она. Тоже иди спать.
Вот, здравая мысль же. А я продолжаю стоять и пялиться на спящую девку.
Потираю подбородок. Почему не уйду?
Рассматриваю.
Волосы упали на лицо, но вижу, что губы приоткрыты. Взгляд упирается в них.
Сухие, но такие сочные одновременно. Ну, и нахуя мне эта информация? Я же не целуюсь. Ни с кем.
Рот бабе нужен для одного — чтобы сосать. А эта стерва не умеет этого делать. Только кусаться может.
Стерва!
Рукой сминаю член, вспоминая ту боль.
Меня никто так ещё не обижал. Вернее, член мой.
И, сука, компенсацию не получишь. Хотя... Я же могу по—другому ее получить.
Ухмыляюсь и ещё раз мну ствол.
Надо будет подумать, как сделать так, чтобы жизнь ей малиной не казалась.
Малина. Хм. Марина. Малина.
Тьфу.
Собираюсь уже развернуться и уйти, но замираю на месте, когда девчонка берет и во сне немного скидывает с себя одеяло. И чуть переворачивается.
Хлопаю глазами. И не могу взгляд отвести.
Она кладёт руку поверх одеяла и... сука! Что у нее там? Тряпка, короче, сползает с груди, почти открывая ее.
Я чувствую, как у меня дыхание становится чаще. Вдыхаю как можно больше воздуха.
Но глаза не отвожу.
Это что там? Сосок, что ли?
Блять! Не смотреть!
Отворачиваюсь. Но всего на мгновение.
Тут же возвращаю взгляд.
Бешусь на себя за эту слабость. Но хочу смотреть.
Как будто пиздец как важно убедиться, что там сосок. Что мне не показалось.
Ну да. Я вижу край соска. Он темнее чем обычная кожа.
Маленький такой. Розовый.
Тьфу! Нет!
Закрываю глаза и пальцами тру их. Сильно. Чтобы прогнать хероту эту.
Потому что это ненормально! Не должно быть!
Потому что, блять, у меня встаёт.
Я только что оттрахал шлюху во все дырки. Кончил.
И у меня опять стоит. И не на шлюху. На ебучий кусок соска. Я даже толком не вижу его! Может, мне вообще кажется?
Да что со мной!

Я же не прыщавый подросток, который бабу голой не видел.
А вот стою как дурак и пялюсь на приоткрытую грудь. На губы.
И возбуждаюсь. До такой степени, что расстегиваю ширинку и руку просовываю в боксеры.

Приятно, конечно, ощущать, что член просто каменный. Но блять. Что с ним делать сейчас?

Вызывать шлюху?

Не хочу.

Сам не замечаю, как вожу пальцами по столу, не сводя взгляда с девчонки.

Это пиздец.

Надо было спать идти. Да. Спать.

Решительно вынимаю руку из боксеров. Кончу в душе. Сука.

Но перед тем, как уйти, решаю прикрыть девчонку. Зачем?

Не знаю.

Заправляю ширинку и ступаю ближе к кровати. Шаг. Ещё.

И, блять! Блять! Блять! Блять!

Что это, блять?!

Адская боль! Чтобы не закричать, я стискиваю зубы до скрежета. Сука. Что это?!

Боль в ноге. Все концентрируется там. И член уже не стоит больше. Чувствую, как он обмяк в боксёрах. Но это последнее, о чем я сейчас способен думать.

Боль такая сильная, что я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать.

Разворачиваюсь и, прихрамывая, иду к двери.

Кидаю последний взгляд на девчонку. Ей хоть бы что! Спит.

Выхожу и уже в коридоре врубаю свет и оглядываю ногу.

Вот, сука!

Глава 20. Марина

Когда этот придурок ушел и оставил меня одну, я сначала немного поплакала. Побежала в комнату, которую этот придурок называет моей, и уткнулась в подушку на кровати.

Так плохо стало. Вспомнила маму. Больше не смогу ей рассказать. И Родиона вспомнила. Никогда бы не подумала, что у него такой брат. Они вообще не похожи.

Зато теперь я понимаю, почему они не общались.

И зачем только Родион попросил его следить за мной?!

Я взрослая! Сама все могу! Я...

А потом, блин, вспомнила про ещё одного урода, который попытался изнасиловать меня. В день похорон родителей.

Урод.

Если бы не брат Родиона...

И я заплакала ещё больше. Мама, мамочка, зачем ты ушла?

И как же она была права насчёт Жени... Почему я ее не послушала? Если бы поехала с ними на дачу, ничего не случилось бы...

И я редела. Сколько? Не знаю.

Пока подушка не стала мокрой от слёз.

Вдруг гром за окном. Да такой громкий. Я даже испугалась.

Вскочила с кровати, подбежала к окну, а там ливень. Стояла и смотрела минут пять, наверное.

Двор тут большой. Ухоженный. Наверное, кто—то специально приходит и следит за садом. Не могу представить этого медведя за прополкой и поливом.

Медведь. Вот реально медведь. По—другому и не назовешь.

Такой же большой и такой же страшный.

Конечно, я его боюсь. Особенно когда он близко. Но стараюсь страха не показывать.

Потом я решила выйти из комнаты и осмотреться, хоть этот придурок и сказал мне сидеть в комнате тихо.

Но раз уж мне придется здесь провести какое—то время, то должна же я узнать это место получше. Вдруг пригодится?

То, что сбежать — не вариант, я поняла почти сразу же.

Ну, во—первых, уверена, что насчёт полиции он не шутил. С него станется.

А, во—вторых, дом за забором, а на выезде и правда охрана. И во дворе две собаки гуляют. Большие собаки. В породах не разбираюсь, но собаки страшные. Впрочем, как и их хозяин.

Выйдя из комнаты, я прислушалась. Тихо. Похоже, я и правда одна.

Пошла по коридору. Вот и кухня. Блин, размером как вся наша квартира.

И вообще дом большой. Чем же он занимается?

Мама и Родион всегда говорили, что честным путем много денег не заработать. А у этого медведя денег много. Машина дорогая. Сразу видно. И дом...

А вдруг он преступник? Тогда надо найти на него компромат! Точно!

И мне так эта мысль понравилась, что я подошла к лестнице на второй этаж и взялась за перила. Сначала долго смотрела вверх, а потом решительно шагнула.

На втором этаже было несколько комнат.

Зачем ему одному столько?

Наконец, я, похоже, нашла его спальню. Судя по размеру кровати, да, его.

На этой кровати можно жить. Такая она огромная.

Не знаю, зачем, но я села на нее. Потом легла, раскинув руки. И только сейчас увидела, что потолок над кроватью зеркальный.

Лежала и смотрела на себя. Блин, там реально зеркало.

Зачем? Мне кажется, это неудобно. Просыпаешься утром и не сразу понимаешь, где ты. И на стенке зеркало.

Придурок, похоже, нарцисс. Любит на себя глазеть. Вот и обвешался зеркалами.

Придурок и есть.

Я встала с кровати, поправила ее. И полезла в тумбочку рядом.

Капец. Столько презервативов!

Сначала захлопнула ящик, покраснев. Но любопытство взяло верх. Опять открыла.

Мда. Такое разнообразие я даже в аптеке не видела. Упаковки такие разноцветные, красивые.

Но зачем ему одному столько?!

Маньяк.

Поэтому тыкался в меня. Я думала, у меня сердце в пятки упадет в тот момент.

Как—то в одну из встреч Женя взял мою руку и положил ее себе на ширинку. Типа показать, как он любит меня. Там все было немного твердое. Я тогда испугалась. Но оказывается, бывает страшнее.

Когда придурок прижался ко мне, вот это было реально страшно. Там у него такое твердое. И большое!

У Жени по сравнению с ним просто карандаш. А тут...

Ещё когда он мне в рот его пихал, я испугалась. Разве может такое вырасти там? А как с таким ходить вообще? Оно же мешает?

И что за привычка совать его куда не надо или прижимать его?

Вспомнила, как укусила его. Улыбнулась, но почувствовала приступ рвоты от воспоминаний. Побежала в туалет.

Но постояла там пару минут, а так ничего и не вышло. Отпустило.

Воспоминание об укусе, всё—таки, перевесили.

В общем, ясно. Куча презервативов. Что ещё тут?

Открыла другой ящик и обомлела.

Наручники. И ещё какая—то непонятная фигня. Даже трогать не буду.

Гадость.

Захлопнула ящик.

Пошла к большому шкафу. Тут только одежда. Идеально сложена.

Ого. В комнате балкон. Я вышла на него. Дождь как раз прошел. Вид, конечно, обалденный. Взгляд опустился вниз, а там... Бассейн. Самый настоящий. Голубой такой. Бассейн.

У него в доме и бассейн есть! Он точно преступник!

Я смотрела в фильмах. Преступники оружие прячут либо в гараже, либо в подвале.

Вот куда надо идти!

Глава 21. Марина

Подвал оказался закрыт. Я, конечно, поискала ключ, но не нашла. Это странно. Зачем закрывать подвал?

Но я ещё больше убедилась, что брат Родиона точно преступник!

Оставался гараж. Там стоял огромный внедорожник. Значит, у него две машины. На одной же он уехал.

Может, машину поцарапать? Или колеса спустить?

Ладно. Не буду. Пока не буду.

В гараже оказался стеллаж с какими—то коробками. Почти во всех были инструменты, разные железяки. Я уже хотела уходить, но в самой дальней коробке оказались бумаги. Документы.

Я стала их просматривать. Ну, вдруг там компромат. Но нет. Какая—то ерунда была.

Непонятные счета, старые договоры. Ещё что—то. Я уже сложила все в папку и хотела засунуть все назад в коробку. Но тут на пол выпала старая фотография.

Я подняла ее. Фотография была и правда старая. Почти выцветла. На ней было три человека. Они стояли и улыбались, обнявшись.

Два парня и девушка.

Я приблизила фотографию. Лица мне показались знакомыми.

Да ладно?

Это же этот придурок. Молодой только. И улыбается так... искренне, что ли. По—настоящему. Не как сейчас.

Я пока не видела у него нормальной улыбки. Только самодовольная усмешка самовлюблённого придурка.

А тут... Даже удивительно.

Стала рассматривать остальных. И их я, кажется, видела.

Второй парень чем—то был похож на моего отчима. Только с волосами и худой.

А вот девушка... Где—то я ее точно видела. Но где?

Потом я услышала странный звук и испугалась, что хозяин вернулся.

Быстро засунула все в коробку и выглянула в окошко в стене.

Нет. Это был всего лишь садовник. Он включил газонокосилку.

Но я все равно решила вернуться в дом. Ничего интересного в гараже не было. Только странная фотография. Хотя почему странная? Два брата. Девушка только не давала покоя. Ну, видела я ее где—то. Но где?

Вернувшись в дом, я пошла на кухню. Есть не хотелось, хотя холодильник был забит. Я выпила минералки и пошла в комнату.

За окном темнело. Придурок не появлялся.

А, может, он вообще на все выходные уехал? Вот было бы здорово!

Потом я решила осмотреть дверь комнаты. Почему там замка—то нет?

Это же гостевая комната. Что, гостям и закрыться нельзя?

Даже защелки не было!

Я понимала, что не могу лечь спокойно, зная, что дверь не закрыта. Я и так прошлую ночь почти не спала. Все ждала, что он войдет.

Можно было бы подвинуть кресло к двери и заблокировать ее, но она, как назло, открывалась в другую сторону и это совсем не помешало бы войти в комнату.

Я села на кровать и смотрела в окно, обдумывая, что делать.

Да. Я боялась.

Боялась хозяина дома.

Меня пугал его взгляд. И усмешка его пугала. Я словно чувствовала опасность, исходящую от него.

Даже если забыть нашу первую встречу (хотя это невозможно), он сам как—то действовал на меня, что у меня коленки начинали дрожать. И это не потому, что он был такой большой и злой. Нет.

В нем как будто было что—то, что давило на меня. Лишало воли.

Я забывала, как дышать, когда он оказывался слишком близко. А он, я уверена, специально делал это снова и снова. Ему словно нравилось доводить меня.

Меня пугало то, чем он каждый раз норовил прижаться. Что он хотел этим доказать? Или хотел напомнить о нашей первой встрече? Напугать?

А еще он смотрел на меня так, что у меня в горле пересыхало. Я терялась и понимала, что даже крикнуть и позвать на помощь не смогу.

И как жить в этом доме, где мне так страшно?

Хотя, я уверена, что я ему тоже не нравлюсь. Я видела, как он бесится. Сжимает зубы от злости.

Наверное, если между нами не стоял бы его брат и мой отчим, то он бы меня придушил. Я явно видела это в его взгляде. Это желание.

И тогда мне в голову пришла гениальная, на мой взгляд, мысль. А что, если я совсем его достану? Так, чтобы он сам захотел избавиться от меня?

Тогда он прогонит меня и я заживу одна. В квартире. Никаких мужиков больше! Никаких Жень и прочего дерьма. Только учеба.

Да. Все ведь просто. Сделать жизнь придурка невыносимой. Найти его слабые стороны. А пока...

Мне вдруг пришла простая идея по защите своей комнаты.

Исследуя гараж, в одной из коробок я наткнулась на несколько мышеловок.

Родион ставил такие на даче на мышей. Тут они лежали в коробке без дела.

Я выбежала из комнаты и быстрее в гараж. Достала мышеловки. Их оказалось четыре штуки. Вполне хватит, чтобы расставить на входе.

Тогда я точно услышу, если кто—то решит войти ко мне ночью.

Подготовив защитную полосу между дверью и кроватью, я улеглась.

Уже очень поздно и я все еще надеюсь, что придурок так и не вернется. Но, когда среди тишины ночи я слышу гул мотора и звук открывающихся ворот, мое сердце опять замирает.

Я вцепляюсь в одеяло и вся превращаюсь в слух. Я слышу каждый шорох. Слышу, как он входит в дом. Как бродит по дому. Может, мне это все кажется, но я уже не могу заснуть.

А потом я слышу шаги. Они становятся все громче и громче. Я прикусываю кулак и не отрываю взгляда от двери.

И, когда ручка двери медленно опускается, я зажмуриваюсь и делаю вид, что сплю.

Я чувствую его. И это даже не его парфюм, который я уже выучила наизусть. Нет. Это его запах. Не знаю, как объяснить, но я чувствую его. Да. Это он.

Незаметно я приоткрываю один глаз и наблюдаю за ним.

Вот, он стоит в дверном проеме и смотрит на меня. Рубашка расстегнута и лунный свет падает на голую накачанную грудь.

Какие у него мышцы. От этого становится еще страшнее.

Я не шевелюсь. И, по—моему, даже не дышу.

А он стоит и все. Просто стоит и смотрит.

Зачем?

Ну, хорошо. Допускаю мысль, что хотел проверить, на месте ли я.

Проверил?

Уходи.

А он стоит.

Ладонью потирает грудь, еще больше оголяясь. И не уходит.

Тогда я решаю сделать вид, что просыпаюсь. Может, тогда избавит меня от своего общества и своего запаха?

Как бы невзначай переворачиваюсь, скидывая с себя одеяло, но продолжаю лежать с закрытыми глазами. Только один глаз приоткрыт немного.

Я должна видеть, что он делает.

И что же он делает?

От удивления чуть не распахиваю глаза. Потому что этот извращенец засовывает руку себе в трусы! Он смотрит на меня и мнет там у себя. Я не вижу, но представляю, что у него там.

Фу. Фу. Фу.

Что делать?

Накрыться одеялом? Тогда он поймет, что я не сплю.

Не успеваю подумать следующую мысль, как замечаю, что он вынимает, наконец руку. Но рано радоваться! Он делает шаг ко мне. Не на выход, а к моей кровати!

Меня начинает трясти. Мне страшно. И я не знаю, что делать.

А потом я слышу щелчок. И едва сдерживаю улыбку, когда до моего слуха доносится глухой стон и скрежет зубов.

Да! Мышеловка сработала!

Этот гад наступил в одну из них.

Я знаю, что это больно. Очень больно. Я в детстве палец прищелкивала.

С удовольствием наблюдаю за сморщившимся лицом придурка и за тем, как он прихрамывает.

Стискивает кулаки и с ненавистью смотрит на меня.

Но я сплю.

Еще мгновение и он, наконец, разворачивается и уходит. Почти скачет на одной ноге.

Я могу улыбнуться и опять накрыться одеялом.

Глава 22. Марина

На удивление спала я хорошо.

Насладившись зрелищем прихрамывающего придурка, я выскочила из постели, когда за ним закрылась дверь. Проверила — одну мышеловку он, всё—таки, унес с собой. Но остальные так и остались стоять.

Можно не беспокоиться. Почему—то я была уверена, что он больше не придет.

И поэтому спокойно легла спать.

Утром просыпаюсь от яркого света. Сегодня воскресенье, никуда не надо. Но я всегда встаю рано. К тому же желудок громко напоминает, что я не ела ничего уже слишком давно.

Переодеваюсь и выхожу из комнаты.

Тихо.

Он, наверное, ещё спит. Я сейчас быстренько что—нибудь перекушу и опять в комнате закроюсь. Не хочу его видеть. А завтра в университет и там уже что—нибудь придумаю.

Иду на кухню. Решаю сделать себе яичницу. Самое простое и быстрое.

Достаю два яйца. Осталось найти сковородку. Ищу по шкафам.

Нет нигде! Ну, не может же быть, что у него нет сковородки!

Тянусь к верхнему шкафу и в этот момент одно яйцо выскальзывает из рук и с треском падает на пол.

Блин!

Быстрее хватаю салфетки и нагибаюсь, чтобы убрать разбитое яйцо. И я этот момент слышу ненавистный голос. Даже не голос, а хрип:

— Ты что делаешь?

Замираю, понимая, что стою сейчас к нему попой кверху. Поэтому сразу же выпрямляюсь и поворачиваюсь. От неожиданности хлопаю глазами.

Хозяин дома стоит в дверном проеме, облокотившись плечом о косяк и сложив руки на голой груди.

Он вообще почти голый! Только полотенце на бедрах.

По—видимому, только что из душа. Капли воды еще поблескивают на теле.

Я стою и как кролик не могу отвести от него взгляда. А он словно удав. Он как будто гипнотизирует меня.

Ничего не могу с собой поделаться — взгляд как приклеенный.

— Что ты делаешь, я спрашиваю? — повторяет он очень недовольным голосом.

— Завтрак готовлю, — выдавливаю из себя.

— Стоя задницей кверху? — усмехается он.

— Я убрать хотела... помыть... — язык—то не слушается. Потому что он тоже не сводит с меня взгляда.

А еще я замечаю, как дергается мышца у него на груди. Страшно.

— Для этого уборщица есть, — он, наконец, отлепляется от косяка и делает шаг в комнату.

И я вижу, что он хромает. Взгляд сам скользит на волосатую ногу. А там пальцы забинтованы.

— Что с вами случилось? — спрашиваю я, уже придя в себя и пытаюсь не усмехнуться. — Что с ногой?

Он зло зыркает на меня, щурится. Я мысленно бью себя по языку. Ну, зачем, вот, спрашивать? Надо просто молча уйти. Без завтрака.

— Споткнулся, — отвечает он.

Споткнулся он! Я помню еще, как он стоял у меня в комнате. Смотрел и мял там. И взгляд невольно падает на полотенце. Но я успеваю быстро отвести его.

— Воскресенье, — произносит он.

К чему бы это?

— Выходной, — продолжает, доставая из холодильника бутылку минералки и открывая ее. — Хрен ли ты не спишь?

Прикладывает бутылку ко рту и жадно пьет. Как будто месяц не пил. Выпивает всю бутылку. Вытирает губы рукой и впивается в меня взглядом.

— Какого хуя ты здесь делаешь? — рычит уже совсем зло.

— Я... поесть... позавтракать... — часто моргаю и пячусь назад.

— Потом поешь! — рявкает он и ступает ко мне.

Я вижу, как напряжены его мышцы. Он же голый. Грудь ходуном ходит.

— Иди к себе! — рычит он.

— А поесть? — спрашиваю несмело.

Вместо ответа мужик резко дергается на меня, но ногой задевает за стул. И все бы ничего, но задевает он именно той ногой, которая забинтована и которая, я так понимаю, и попала в мышеловку.

— Сука, — шипит зло, сгибаясь. — Сука, блять.

Видимо, очень больно.

Жалко ли мне его? Ничуть.

Чувствую ли я угрызения совести? Вообще нет.

— Ночью, конечно, лучше спать, а не бродить, — произношу задумчиво, пряча улыбку.

— Чтобы не споткнуться нечаянно.

— Ты еще здесь?! — он поднимает на меня взгляд и я понимаю, что пока с него хватит.

Кладу яйцо на стол и по стеночке двигаюсь к двери.

Глава 23. Рам

Ну, что за бесячая девка! Пиздец просто!

Ни одна меня так не бесила. У меня бабы вообще не вызывают никаких эмоций кроме желания трахнуть. Что от них еще может быть нужно?

Мне всегда ровно было на них. Почти всегда. Уже давно. Очень давно. Настолько давно, что я думал, что уже больше никогда не буду ничего испытывать.

Я забыл это. Запрятал в себе.

Смерть брата опять все всколыхнула. Но я снова утопил это глубоко.

А теперь еще эта стерва. Она заставляет меня беситься. И это плохо.

Я привык к отсутствию эмоций. Мне так удобно. И так правильно.

Специально встал утром пораньше, чтобы не встретиться с ней. Всю ночь не мог толком заснуть из—а ноги.

Это пиздец какой—то.

Эта дрянь поставила зачем—то у себя в комнате мышеловку.

Она больная. Реально больная.

Может, отселить ее в домик с инструментами? Пусть там сидит и учит свои конспекты?

Тварь.

Пришлось даже ногу перебинтовать. Под утро, вроде, немного отпустило и я отрубился. Но всего на пару часов.

Проснулся со стояком. Пошел в душ. И оттуда на кухню за кофе.

Эта стерва же должна еще спать. Воскресенье как—никак.

И что же я вижу, войдя на кухню?

Стоит раком в своих блядских обтягивающих штанах.

Раскорячилась булками.

Хорошо я хоть не голый вышел. Но, сука, от полотенца толка мало.

У меня мышцы все напряглись. Если бы так стояла Нелька, я бы точно уже содрал на хрен штаны и вставил. Член дернулся тут же от похабных мыслей.

Так. Хватит глазеть на задницу.

Один вопрос — и девка выпрямляется. Смотрит на меня и хлопает глазами.

А ведь рассматривает.

Я же не дурак.

Дергаю мышцами. Пусть видит.

Я знаю, что бабам нравится мое тело. Но сейчас не похуй ли?

И про ногу—то забыл. Как шагнул и опять боль.

И сразу же замечаю усмешку на лице девки. Ну, точно тварь. Даже не скрывает злорадства.

Придушить ее готов был.

Хорошо, что ей мозгов хватило исчезнуть. А то бы... не знаю, что сделал бы с ней.

Сука.

Она доведет меня до преступления. Чувствую это.

Надо что—то решать.

Пусть не появляется на глаза мне. Немного отойду и обозначу ей правила.

Поворачиваюсь, облакачиваясь о стол, и смотрю вслед заднице, которая только что торчала так призывно.

И опять чувствую возбуждение. Да сука!

Прижимаюсь пахом к столу. Беру яйцо, которое положила эта стерва, и со всего размаха пуляю его в раковину.

Пусть голодная посидит. Может, мозги на место встанут. Ничего. Не сдохнет.
Но и сам есть не хочу. Делаю себе кофе и сажусь на диван. Расставляю ноги и смотрю на полувозбужденный член.

Не пойду больше дрочить. Поэтому давай успокаивайся.

Стараюсь отвлечься и думать о работе.

На следующей неделе мне предстоит подписать перспективный контракт. Вот, что важно.

И я не позволю этой сучке вывести меня. Ни одной бабе это не удавалось.

Почти ни одной.

Блять. Опять.

Не думать. Не вспоминать.

Чтобы немного успокоиться, решаю поплавать.

Вода в бассейне еще не прогрелась и я с удовольствием ныряю в прохладу. Несколько дорожек брасом и уже гораздо лучше.

Потом иду в кабинет немного поработать.

В доме тихо. Словно все как прежде.

Девка сидит у себя.

Понятливая.

Пусть посидит. Подумает над своим поведением.

Пробую пошевелить пальцами на ноге.

Сука.

Опять углубляюсь в бумаги.

Сегодня после обеда еще ко мне должны приятели подъехать. Давно договаривались и отменять встречу не вариант.

Девка все равно у себя посидит. А так хоть с мужиками расслаблюсь.

Когда выхожу из кабинета, замечаю, что горничная уже была и все прибрала на кухне — все разбитые яйца. И еду приготовила к приходу гостей.

Горничная у меня нормальная. Незаметная и делает как надо.

Вот такие бабы и должны быть, а не как...

Зло зыркаю на дверь гостевой комнаты.

Сидит? Голодает?

Пусть.

Ценить будет то, что ей дают.

Ничего. Завтра с утра перед университетом своим поест. Без меня.

Диман и Богдан приходят ближе к пяти. Мы обнимаемся и идем на террасу. Там уже накрыто.

Виски так приятно согревает внутри и беседа с друзьями отвлекает. Я почти спокоен.

Все, как и раньше.

Хорошо, блять.

Прикрываю глаза и слышу сигнал телефона.

Чуть не забыл!

— Мужики, — говорю приятелям, вставая, — у меня важный звонок. Разница во времени. Сами понимаете. Я на полчаса буквально. Разливайте пока тут.

— Нормально все, брат, — отвечают они.

Я иду в кабинет. Этот звонок и правда важен. Выпил я немного, поэтому все путем идет.

Правда времени занимает чуть больше, чем планировал. Минут сорок.

Зато все удачно. Прощаюсь и довольно усмехаюсь, глядя на свое отражение в зеркале в шкафу.

Похоже, еще одна прибыльная сделка на горизонте.

Встаю и иду к мужикам. Вот, теперь можно оттянуться по полной.

Выхожу на террасу. А там пусто.

Нет ни Димана, ни Богдана. Хотя вещи их здесь. Телефоны, вон, на столе лежат.

Где они?

Хмурюсь и тут до меня доносится... сука! Звонкий смех. Веселый такой. Звонкий.

Сука. От догадки рвет все внутри.

Уверенно шагаю за угол дома, откуда и доносится ебучий смех.

Ну!

У меня даже дар речи пропадает.

На площадке возле бассейна стоит Диман уже в плавках. Рядом с ним Богдан. А между ними! С бокалом чего—то там! Стоит девка! Марина!

В гребанном платье, которое развевается на бедрах от ветра. И волосы развеваются. Длинные волосы.

В руках бокал. Она пьет! И смеется. Заливисто смеется над какой—то, я уверен, похабной шуткой. Запрокидывает назад голову и зубки свои показывает.

Ей, сука, весело! Вижу, что весело.

Перевожу взгляд на Димана, а потом и на Богдана. И этим, блять, вижу, что охуенно.

Диман так вообще не стесняясь рассматривает Марину. Просто нагло трахает ее глазами.

Ну, хоть не трогают. Стоят на приличном расстоянии от нее.

Я сжимаю кулаки с такой силой, что костяшки хрустят.

Считаю до десяти и выдыхаю. И только потом делаю шаг к ним.

Глава 24. Марина

Сбежав из кухни, я, только оказавшись в своей комнате, поняла, что меня трясет. Сжала с силой пальцы, пытаюсь успокоить непонятную дрожь.

И сердце. Оно было готово выскочить из груди. Каждый удар я ощущала сильным толчком в грудную клетку.

Я прислонилась спиной к двери и прислушалась.

Мне казалось, что он погонится за мной.

Да. Я боялась его.

У него взгляд безумца. А рычит он как! Не говорит, а рычит.

В животе опять заурчало и я инстинктивно приложила к нему руку и погладила.

Поесть так и не удалось.

Решив отвлечься, я достала учебники. Но на голодный желудок учиться сложно, оказывается.

Порывшись в своей сумке, отыскала надкусанную шоколадку.

Как же я обрадовалась! И с каким удовольствием съела ее. Самая вкусная шоколадка! Жаль, что быстро закончилась.

Немного полегчало. Я прилегла с учебником на кровать и не заметила, как уснула. Шоколадка подействовала как снотворное.

Просыпаюсь я от громких голосов. Смотрю на часы — уже почти вечер. И опять хочется есть. Живот даже сводит.

Снова голоса. Я замираю и слушаю.

Незнакомые мужские голоса.

Может, что—то случилось? Почему не слышно голоса хозяина?

И я решаю пойти посмотреть. Заодно, может, удастся перекусить чего—нибудь из холодильника?

Выхожу и иду по коридору. Замечаю, что голоса идут с террасы. Там точно какие—то мужики.

Выглядываю из—за угла и тут один из них оборачивается и видит меня.

— Ого! А это что за красавица? — сам идет ко мне и подает руку с улыбкой. — Дмитрий, — чуть кланяется. — Друг Рамиля. А вы?

— А я... Я Марина. Я тут живу, — отвечаю я.

— Богдан! — он поворачивается и кричит кому—то. — Ты смотри, кого этот жук от нас прячет!

Появляется второй мужчина. Осматривает меня и улыбается, приподнимая бровь.

— Как хорошо, что вы решили присоединиться к нам! — Дмитрий берет меня за руку и тянет за собой. — Рамиль такой скрытный. Хотел лишить нас вашего прекрасного общества.

— Я... но я не знаю... я на кухню шла, — неуверенно произношу.

— На кухню? Зачем?

— Поесть, — говорю честно.

— Так вот же все! — и он показывает рукой на стол, на котором и правда все! Ой, блин. В животе от увиденного начинает такое твориться! До тошноты.

— Можно? — зачем—то спрашиваю я и, не дождавшись ответа, хватаю что—то с тарелки и сразу в рот.

О да! Это самое вкусное, что я когда—либо ела! Неважно, что это. Это восхитительно!

Замечаю, как мужчины переглядываются.

— Присаживайтесь, — Дмитрий придвигает мне кресло и я сажусь.

Почему нет?

Хозяина дома нет. Хоть поем.

Стараюсь делать это не так быстро, но они все равно не сводят с меня глаз. А потом второй мужчина подает мне бокал.

— Запейте. А то подавитесь.

— А что это?

— Легкое вино. Совсем слабое. Как раз для девочек.

И я беру и отпиваю. Сладенькое. Делаю еще глоток. И еще.

И так хорошо становится.

Я, наконец, поела. Кайф. Расслабляюсь на кресле.

И в груди так тепло. Голова только немного кружится. Но все равно хорошо.

Потом мы о чем—то немного совсем болтаем. О ерунде какой—то, я даже особо не запоминаю.

— Может, в бассейн? — Дмитрий прищуривается и подмигивает Богдану.

— Да я без плавок, — отвечает тот.

— Ну, думаю, милая Марина не будет возражать, если ты в боксерах поплаваешь. Так, Марина? — и смотрит на меня.

— Я, наверное, пойду, — встаю с кресла.

— Ну, куда же вы пойдете? А как же мы? Негостеприимно. Мало того, что Рам ушел, теперь еще и вы хотите нас оставить?

И он опять берет меня за руку и пальцы сжимает чуть сильнее, чем в первый раз.

Может, он прав? К тому же мне совершенно не хочется идти в комнату.

На улице такая классная погода. И бассейн. Я обожаю плавать. Раньше я каждые выходные ходила в бассейн рядом с домом.

И что скрывать, мне очень хочется посмотреть поближе на бассейн в этом доме. Не поплавать, конечно. Только посмотреть.

Поэтому через пару минут мы оказываемся около него.

Пока Богдан рассказывает какой—то анекдот, смотрю, а Дмитрий уже без штанов.

— Может, тоже поплаваешь? — предлагает он мне.

— Я? У меня и купальника нет, — отвечаю, отпивая еще из бокала.

— Рам даже купальник не купил? Ай—ай—ай, — качает головой. — Но ведь можно и без? Мы обещаем отвернуться! — и он поднимает вверх ладонь, показывая, что клянется. И брови сдвигает.

Такой забавный.

Я смеюсь.

Конечно, я не собираюсь с ними плавать, но почему с ними так легко?

И только собираюсь ответить, как слышу со спины даже не голос, а рык. Звериный такой рык.

— Тебе кто разрешил выходить?!

Замираю и, мне кажется, даже не дышу.

— О, Рам! — восклицает Дмитрий. — А мы тут поплавать решили. Что же ты не познакомил нас с Мариной? Прячешь ее от друзей? Нехорошо такую красоту в темнице держать! — и громко смеется.

Я не шевелюсь и только боковым зрением замечаю, что брат Родиона становится передо мной.

Кулаки сжаты. Медленно поднимаю взгляд. Он не смотрит ни на Дмитрия, ни на Богдана. Он смотрит только на меня.

Блин, вот, опять страшно очень. Почему так?

Я же ничего плохого не сделала! И почему, когда я одна в комнате, я его совсем не боюсь. Но стоит ему появиться передо мной...

По—видимому, Рам очень зол. Или у него с дыханием проблемы. Может, заболел? Ноздри вон как раздуваются. Того и гляди разорвутся! И грудь ходуном ходит. Сейчас пуговицы на рубашке полетят.

— Ты почему, я спрашиваю, из комнаты вышла? Кто разрешил? — рычит он опять, прожигая меня взглядом. — Ты что?! Пьешь, блять?!

Вырывает у меня из рук бокал и отбрасывает его на лужайку.

— Рам, остынь, — Дмитрий кладет руку ему на плечо. — Ты чего? Нормально отдыхаем.

— Нормально?! — рявкает Рам и стряхивает с себя руку мужчины. — Иди к себе! — наклоняется ко мне, пытаюсь напугать.

А мне так обидно становится. За что он так со мной?

— Я есть хочу! — кричу я и тоже сжимаю кулаки. — И вообще я не обязана сидеть целый день в комнате!

— Ух, как у вас тут, — усмехается Дмитрий, но тут же замолкает, потому что Рам резко поворачивается к нему.

— Я никуда не пойду! — заявляю я и плюхаюсь на шезлонг.

— Ну—ка, встань, блять! Сейчас ты встанешь и пойдешь к себе. И будешь ждать, пока я не приду и не скажу, что и как ты будешь делать! — он буквально шипит.

Он настолько зол и негодует, что мне почему—то смешно становится. И я чуть улыбаюсь.

Заметив это, Рамиль с рыком делает шаг ко мне.

— Рам! Да остынь ты! — Дмитрий хватает его за локоть, пытаюсь остановить.

— Да пошел ты!

И я вскрикиваю. Потому что Рамиль разворачивается и со всей силы толкает друга. Тот размахивает руками и... падает в бассейн.

Брызги даже до меня долетают.

Я вся подбираюсь и обнимаю себя.

Повисает тишина.

Дмитрий выныривает из воды и стряхивает воду с волос на голове.

— Придурок, — бурчит недовольно и упирается руками в бортик бассейна.

Рам подходит и протягивает ему руку.

— Да пошел ты, — злится Дмитрий и не подает руки. Сам вылезает.

Невольно скольжу взглядом по мокрому телу мужчины и ловлю на себе просто—таки пылающий взгляд Рамиля. Отворачиваюсь.

— С тобой все в порядке? — второй мужчина подходит к Раму.

— Давайте потом, — произносит он как—то устало, что ли? — Дим, — зовет мужчину, который вытирается полотенцем, — давай без обид.

— Да какие обиды, — усмехается тот и смотрит на меня. — Так и сказал бы, что девочка твоя. Я же мысли твои не читаю.

— Да ты не понял!

— Да все я понял, Рам. Девочка что надо. Когда успокоишься, поговорим, — произносит Дмитрий и поворачивается ко мне: — увидимся еще, красавица, — и подмигивает.

Я не знаю, почему, улыбаюсь. Мне кажется, от страха. Я просто не знаю, что делать. Правда.

В следующую же секунду Рамиль оказывается рядом. Хватает меня за предплечье и тянет вверх.

— Пусти! — бью его по руке. Мне больно.

А он не только не отпускает меня, он сильнее впивается в мою руку и тащит меня. Я упираюсь ногами.

— Пусти! Я хочу здесь остаться! Пусти! — кричу я. — Я... я плавать хочу!

Зачем это говорю? Не знаю. Ну, какой, блин, плавать? Говорю это, скорее, потому что знаю, что выбешу этим его еще больше.

Но совсем не ожидаю таких последствий.

Рамиль резко тормозит вместе со мной у самого края бассейна.

— Плавать хочешь? — спрашивает как—то слишком мягко. Прямо резко так мягко.

Я хмурюсь и только успеваю приоткрыть рот для ответа, как меня толкают в синюю гладь воды. Я хватаю ртом воздух и плюхаюсь прямо в одежде в бассейн.

Он толкнул меня в бассейн! Толкнул! Гад! Сволочь! Животное!

Тут же выплываю и убираю с лица мокрые волосы.

Вкладываю всю свою ненависть во взгляд и впиваюсь в этого ухмыляющегося урода.

— Поплавала? — спрашивает он, убирая руки в карманы брюк и раскачиваясь с носков на пятки и обратно. — Освежилась?

Я готова заплакать. Мне кажется, я уже плачу. И только капли воды скрывают это. Я не доставлю ему такое удовольствие!

Богдан подходит к кромке и протягивает мне руку.

— Не трогай ее, — рычит Рамиль.

Тот оборачивается на него, но руку не убирает. И я подаю ему свою. Он тянет меня.

Вижу, как Рамиль шагает к нам и пугаюсь. Но его перехватывает Дмитрий.

— Тебя, блять, надо освежить! Богдан! Отойди от девки! Видишь, дурной!

— Да вы нихрена не понимаете! — рычит Рамиль и зыркает на меня. — Это вообще не то!

Я стою и начинаю дрожать. Мокрое платье липнет к телу. Так же как и волосы. И зубы начинают стучать. И да. Я плачу.

Но не хочу этого показывать.

Опускаю голову и срываюсь на бег. Уже у самой двери слышу голоса:

— Как отойдешь, позвони.

— Какой же ты, блять... Рам... Кто ж так с девочками—то? Ничего она не сделала.

— Я сам знаю.

— Да нихера ты не знаешь! Поехали, Дим! Тут, блять, мы точно лишние.

— Рам, слышь? Остынь! Девка—то норм. Не поблядушка же. Сразу видно. Давай, брат.

Звони, если что.

Я забегаю в дом и сразу — в свою комнату. Прижимаюсь спиной к стенке.

Меня трясет. Не от холода. От обиды. От ненависти.

Выставляю вперед руку — пальцы дрожат.

Вытираю слезы и всхлипываю.

За что мне это все? Зажмуриваюсь и новые слезы стекают по щекам.

Закрываю лицо руками и поворачиваюсь к стене лицом. Прижимаюсь к ней.

Пытаюсь успокоиться. Надо. Я смогу.

Глубоко вдыхаю и в этот момент меня обдает холодом от страха.

Потому что я слышу, как открывается дверь. И шаги знакомые слышу.

Глава 25. Рам

Когда тачка с Диманом и Богданом отъезжает от дома, я еще какое—то время стою и плююсь на ворота. Тру ладонью затылок. И успокоиться не могу.

Я, блять, друга ударил! И второму чуть не вмазал! И все из—за чего? Вернее, из—за кого?!

Не знаю, что на меня нашло. Но, когда увидел девку, веселящуюся с мужиками! Блять! У меня внутри все вспыхнуло просто! Такой ураган закрутился. Не помню, когда я в последний раз такое испытывал.

Хотя нет. Помню. И от этого еще больше злюсь.

Да! Потому что она заставляет меня вспоминать! Вспоминать то, что я давно похоронил. И утрамбовал свежей землей на могиле брата.

Не хочу!

Оборачиваюсь на дом.

Правильным, наверное, будет сейчас уйти к себе. В кабинет. Выпить и успокоиться. Успокоиться самому и ей дать время подумать.

Но, сука, меня словно тянет что—то.

Я опять совершаю какую—то хуйню. Но разворачиваюсь и иду в дом.

Одним ударом ладонью распахиваю дверь. Сразу же замечаю эту дрянь у стенки. Спиной ко мне.

Взгляд невольно скользит по тонкой фигуре. Платье облепило ее и теперь еще из—за того, что оно мокрое и прилипло, я вижу нижнее белье девчонки.

Пиздец какой—то. То есть ее также и мужики видели?!

Стискаю зубы, но отворачиваюсь.

— Повернись, — цежу сквозь зубы.

Ведь знает, что я здесь! Но стоит и не поворачивается. Назло, я уверен.

Стоит, не дышит, но не поворачивается.

— Повернись, я сказал, — повторяю, так и не дождавшись реакции.

И сам уже беру ее за плечо и разворачиваю.

— Ты оглохла?

Хочу посмотреть на лицо, но взгляд опускается на подрагивающую грудь. Сука. Лифчик. Кружева, мать твою. И соски! Торчат же, сука!

Знаю, что от холода, но это, вот, вообще никак не успокаивает.

Поджимаю яйца и сглатываю.

И между ног платье прилипло. Все видно. Ну, не все. И от этого еще больше хочется. Увидеть хочется.

Да сука! Что происходит—то?! Вопрос не только к бредовым мыслям в моей башке, но и к члену, который, блять, неправильно реагирует на происходящее. Опять.

Заставляю себя поднять взгляд на лицо девчонки. Она все еще закрывает его руками.

Раздражает.

— Руки убери и смотри мне в глаза, — строго произношу я. — Ну? Кому сказал?

— Что вам надо? — пищит, но руки не убирает.

— Когда со мной разговариваешь, то только так, — беру ее за запястья и дергаю руки вниз.

Полный ненависти взгляд. Нахмуренные брови. Губы дрожат.

Злая и заплаканная девка. Почему меня так торкает—то от нее?

Глаз не могу отвести. И потрогать хочется. Пальцем по губам провести. А еще лучше не пальцем, а...

Напрягаю бедра, потому что член, сука, дергается.

Отпускаю руки девчонки и тру пальцами глаза.

Пиздец. Что так сложно—то?

— Блядства в моем доме не потерплю, — говорю, опять глядя ей в глаза. — Ты какого хера вышла к мужикам? Чешется?

Хлопает глазами, но молчит. Значит прав.

Злюсь. И вспоминаю, как снял с нее того дрища. Обломал. Может, поэтому злиться? Тварь.

Такая же как все! Все!

Хватит. Я уже один раз поверил суке. Дурак!

И эта такая же!

— Все, Марина, — усмехаюсь. — Сама чеши теперь. Никаких ебарей. Поняла? Ни в доме, ни вне. Учебой занимайся. Узнаю, — и грозно смотрю на нее.

— Вы больной, — произносит зло. — У вас у самого одно на уме! И про других также думаете! Оставьте меня. Вы сами сказали, что это моя комната. Уходите.

Это просто пиздец. Я даже сначала не знаю, что и ответить. Наглая стерва.

— В моем доме я решаю, когда и куда ходить, — усмехаюсь.

— Тогда я уйду!

И дергается к двери. Успеваю положить ладонь ей на плечо и толкнуть обратно к стенке.

— И это тоже я решаю, — делаю шаг к ней и руку с плеча не убираю, хотя девчонка дергается.

Смотрит мне в глаза, а у самой уже испуг во взгляде.

Вот так, девочка. Привыкай. Я тебя воспитаю.

— Мужики тебя трахнуть хотели, — говорю с ухмылкой. — Легкая добыча. Ты, я так понял, тоже не против была. Так вот...

— Перестаньте! — перебивает меня и я охуеваю. Ну, что за стерва? Ни одна девка так со мной не разговаривала еще. — Вы можете о другом думать вообще? Мы просто общались. А вы... Пустите! — и дергает плечом. Бесполезно, конечно. — Мне надо переодеться. Мне холодно.

— Переоденешься, когда я скажу, — говорю зачем—то, а сам пялюсь на ее губы.

И я чего—то не понимаю. Она бесит. Злит. Раздражает. Но! Внизу живота все сводит от удовольствия. Я, сука, не понимаю. Мне нравится то, что я чувствую.

Ступаю еще ближе к ней. Знаю, что не должен. Потому что слишком близко.

Я как будто запах ее чувствую. Все эмоции ее. И тело дрожащее то ли от холода, то ли от страха.

— Я. Вас. Ненавижу, — цедит девка и теперь уже рукой пытается убрать мою руку со своего плеча.

Но я не обращаю на это внимания. Все, что я сейчас вижу, — ее губы. Все, что я сейчас чувствую, — дикое желание коснуться их.

Но я сдержусь. Я смогу.

Надо просто отступить и уйти. Отпустить ее. Пусть ревет. И уйти.

И у меня почти получается. Я поджимаю яйца, успокаивая их. Расцепляю пальцы на ее плече.

Но в этот момент она, сука, берет и облизывает свои губы. Смотрит испуганно и облизывает их! Не специально, уверен. Инстинктивно от страха.

Но это ее движение все портит. Все мои усилия летят к чертям.

Я громко выдыхаю и резко и сразу сильно впиваюсь в приоткрытый рот.

Глава 26. Рам

И охуеваю еще больше. Это что, сука, такое?!

Я сам себя не контролирую. Мало того целую какую—то... так еще и оторваться не могу. И не хочу.

Что у нее с губами? Почему так?

Еще сильнее вжимаюсь в безвольные губы. Мягкие и влажные. Так сильно, что зубами впиваюсь в них.

И пальцы снова вцепляются в хрупкое плечо и шире расплзаются. Как будто я хочу больше охватить ими.

Вторую ладонь кладу ей на шею и пальцем большим фиксирую скулу. Чтобы не отвернулась. Потому что она, похоже, отходит от первого шока и пытается головой мотать.

Ступаю еще и наши тела соприкасаются. Не могу удержаться и пахом прижимаюсь к девчонке. Вот, сука! Да!

Все сводит там. Яйца как шары. Того и гляди боксеры треснут под натиском и их, и члена, который беспомощно дергается в плотную ткань.

У меня, сука, стоит. Да так стоит, что я охреневаю.

Инстинктивно толкаюсь бедрами и у девчонки глаза круглыми становятся.

Строит из себя! Как будто члена никогда не чувствовала!

Да, сука, ну, стоит у меня.

Ее мокрое платье уже пропитало мою рубашку, но мне жарко. Потому что я чувствую ее соски, которые упрутся сейчас в меня. Твердые горошины. Розовые. Я помню, что они розовые.

Ненадолго отпускаю губы девчонки, чтобы вдохнуть воздуха и попытаться прийти в себя. Уйти? Ну, хотя бы отлипнуть от нее.

— Вы... — тут же произносит быстро она. Тихо так произносит. Словно голос потеряла. Еле шевелит губами, как будто они онемели у нее.

— Вы что...

— Тихо, — хриплю я и провожу большим пальцем по припухшим губам. Ярko—красным от поцелуя.

Она опять хочет что—то сказать, но я просто набрасываюсь на нее с новым поцелуем.

Мне, сука, это нравится! Злюсь. Нравится!

Целовать нравится?!

Да. Как только касаюсь ее губ, член опять дергается. Больно, сука, уже. Ему свобода нужна. Тесно. Пиздец как тесно.

Рот Марины приоткрыт и я толкаюсь в нее языком. И только хочу зарычать от накрывающего меня пиздеца, как она берет и закрывает рот. Чуть отстраняется так, что мой язык оказывается перед ее зубами и щелкает ими.

Яйца болезненно поджимаются, вспоминая, как она этими же зубами...

Я злюсь.

Я хочу, блять. Теперь пиздец как хочу языком ее распробовать. Я не знаю, что с ней, но она... вкусная? Сладкая пиздец какая. Вкусная, да.

Пальцами сжимаю ее скулы и хмурюсь. Строго смотрю. И опять толкаю язык. А она не выпускает!

Зубы только еще крепче сжимает. Стерва!

Не могу сдержаться и рычу. Пальцами обхватываю подбородок ее и тяну его вниз.

Неожиданно она сама как будто опускает его и я языком чувствую, что зубы размыкает.

Какие—то секунды размышляю, не откусит ли она мне язык. На это еще мозгов хватает. Хватает же! Значит хватит и на то, чтобы отпустить эту стерву и уйти. Да! Я смогу. Давай, Рам! Давай!

Но вместо этого я прикрываю глаза и резко толкаю язык в теплый рот.

Ох, сука. Это еще больший пиздец. Да, у нее и правда какой—то охуенный вкус.

Вынимаю язык и открываю глаза. И встречаюсь с ее взглядом.

Что это, блять? Там больше нет страха. Она не смотрит на меня испуганно. Нет.

Что в нем? Во взгляде? Любопытство? Или что это за херня?

Чуть отстраняюсь и опять осматриваю ее. Соски. Между ног.

Не смотреть. Лучше в глаза.

Что, блять, происходит?!

Снова приближаюсь, но на касаясь ее. Замираю в паре миллиметров от губ.

Взгляд девчонки опускается на мой рот. А я замечаю мурашки у нее на шее. И понимаю, что меня сейчас просто разорвет, если я не проведу по ним языком. И поэтому мимо губ скольжу и впиваюсь в шею.

Пиздец. Она тут еще слаще.

Аааааааааа! У меня внутри все взрывается.

Опять прижимаюсь к ней ширинкой, чтобы хоть как—то унять член.

Это больно. Я никогда так долго его не мучил.

Чувствую, как Марина руками упирается мне в плечи. Хочет оттолкнуть. Но и глухие стоны ее слышу. Это же, блять, ни хера не просьбы о помощи. Это не крики: «Отпусти!»

Это стоны. Хриплые и едва различимые, но стоны! И голову, вон, прижимает к моей голове.

А я оторваться не могу. Не отпуская губ, языком по коже вожу. По мурашкам.

Что, сука, делать—то дальше?! Что?!

Я впервые задаю такой вопрос со стояком около бабы. Или... не впервые? Опять воспоминания!

Сука. Родя...

Родя...

И как вспышка.

Резко отлепляюсь от девки и трясую головой. Как туман в башке и перед глазами все плывет. А, когда останавливается, то губы приоткрытые — первое, что вижу.

Рычу и отворачиваюсь.

Хочу отойти. Я готов к этому. Все.

Последний взгляд на девку. Стоит и хлопает глазами. И руки свои с моих плеч не убирает.

Вот, как отталкивала, так и остались они там. Только теперь не отталкивает, а как будто держит.

Сам отступаю на шаг, стараясь не смотреть на нее.

Смыкаю пальцы рук на затылке и стискиваю башку.

Опускаю взгляд — ширинка колом стоит. Палатка, нахер. Все топорщится.

Поднимаю взгляд и понимаю, что и девка туда же смотрит.

Резко разворачиваюсь и, пнув дверь ногой, выхожу из комнаты. И сразу же телефон достаю. Набираю.

— Да, милый, — слышу приторно—ласковый голос Нельки.

— Приезжай! — рычу грубо. Сминая член. — Быстро, блять!

— Но, милый, я сейчас в магазине. Жду, когда мне деньги переведут. Не могу без покупок уйти. Тут рядом. Сейчас мне денежку переведут, я заберу покупки и приду.

— Сколько?

Она называет сумму. Не сбрасывая звонка, делаю перевод ей на карту. Слышу пиликанье.

— Ой, милый, ты душка! — радости Нельки нет конца.
— Приезжай! Быстро!
— Уже выезжаю! Ох, ты ждешь?
— Сука! Быстро, я сказал! — и жму на кнопку.
Оборачиваюсь.
Дверь в комнате девки закрыта. Она не показывается.
Правильно. Хоть в этом не тупит.
Мне теперь хреново. Пиздец как хреново.
Расстегиваю и снимаю мокрую рубашку. Иду к бару и беру бутылку. И прямо из горла
пью. Вытираю губы рукой и расстегиваю брюки.
Все так и стоит колом. А яйца как будто свинцом залиты.
Прислушиваюсь как будто жду чего—то. Чего?
Что выйдет?
Идиот!
Но девчонка не показывается.
Правильно.
Я сейчас в таком состоянии, что нельзя ее видеть.
Я ведь, сука, трахнуть ее хочу! Да, блять! Признайся себе уже!
Я хочу ее трахнуть!
Сжимаю член.
Где, блять, эта Нелька?!
Наконец, звонок в дверь.

Глава 27. Рам

Как только вижу Нельку, хватаю ее за руку и дёргаю в дом. И к стенке. Она опускает взгляд на мою расстегнутую ширинку.

— Ого! Это ты так соскучился? Давно не звонил. Я тоже соскучилась. Очень.

Ничего не отвечаю. Дёргаю ее блузку. Так, что пуговицы падают на пол. И сразу же за грудь берусь грубо. Сильно сжимаю.

Не то. Ну, не то, блять! Даже сосок пальцами зажимаю. А все равно не то.

— На колени, — хриплю зло.

— Рамиль? Здесь? Может, в спальню...

— На колени, я сказал! — зло рывкаю и чуть толкаю ее в коридор. А сам кошусь на дверь гостевой комнаты.

Давлю на плечи шлюхи и она послушно падает. Я прислоняюсь спиной к стене и затылком ударяюсь о нее. Прикрываю глаза, чувствуя на себе руки Нельки. Она тянет вниз белье и берется за член.

Выдыхаю громко, когда ее губы касаются доведённой до предела головки.

Она и яйца гладит. А кайфа нет. Они как были свинцовые, так и есть. Тянут вниз.

Я злюсь.

— Ты сосать разучилась?! — рычу на Нельку.

Испуганно поднимает взгляд на меня и ещё усиленнее причмокивает.

Я сосредотачиваюсь на ощущениях. Я, сука, кончить хочу.

Так стоит! Я должен кончить. И кайф получить. Облизываю губы и опять смотрю на дверь. И вкус вспоминаю. Этой мелкой дряни вкус.

Он словно вбил в меня. На языке остался.

— Ещё, блять! Давай! Да! — и хриплю громко. Рукой стягиваю волосы на затылке шлюхи и резче толкаю на себя. — Да, блять! Да! Резче!

Опять облизываю губы и поворачиваю голову. И вижу, что девчонка вышла из комнаты. Стоит в коридоре, прижавшись к стене. Но я вижу ее. И взгляд ее вижу.

И платье ебучее мокрое вижу.

Она стоит и смотрит. На нас с Нелькой смотрит.

И я ни хуя не понимаю, но со мной какая—то херня происходит. Усмехаюсь уголком губ и разворачиваюсь так, чтобы стоять передом к девчонке.

Зачем? Не знаю.

Хочу, чтобы смотрела.

Если уйдет, то в комнату к ней ворвусь.

Но Марина не уходит. Так и стоит и смотрит. Она ведь видит мою реакцию. Знает, что я вижу. Но продолжает стоять.

Я шире расставляю ноги и обеими руками обхватываю башку Нельки. И насаживаю ее.

Хлюпающие звуки, причмокивание Нельки и мои хрипы. Все это разрывает тишину.

Я не отвожу взгляда от Марины. И, наконец, чувствую, что кончу сейчас. От того, что она смотрит.

Опускает взгляд на двигающуюся туда—сюда голову. Потом опять поднимает взгляд на меня.

И все. Я усмехаюсь и тут же хриплю со стоном.

А девчонка разворачивается и бежит к себе.

— Ох, сука! — стону я, заполняя рот Нельки спермой. Дальше проталкиваю.

Наконец, яйца опустели.

Опять прислоняюсь спиной к стенке и часто дышу, прикрыв глаза. Голову Нельки уже отпустил.

Член поблескивает от ее слюны. Я сжимаю его и смотрю на дверь, за которой скрылась девчонка.

Смотрела. Сама вышла.

Стерва.

— Рамиль, теперь в спальню? — снизу раздается голос Нельки.

Заправляю член в боксеры и застегиваю брюки.

— Домой езжай, — кидаю ей, вдыхая поглубже и поглаживая грудь.

— Но как же? Я думала, на ночь остаться?

— Гости у меня, — отвечаю сухо. — Домой, короче. Все. Я сам позвоню потом.

— Но Рам...

— Ну?! — и хмурю брови.

Замолкает.

Запахивает блузку и встает с коленок.

Я с удовольствием потягиваюсь и, закрыв за телкой дверь, иду к себе.

После душа падаю на кровать и закрываю глаза.

Глава 28. Марина

Когда Рамиль выбежал из моей комнаты, я так и осталась стоять у стены.

Ладонями вцепившись в нее, пыталась не сползти вниз.

Что это было сейчас?

Как будто не со мной.

Он... Он поцеловал меня? Пальцами провела по губам. Было неприятно. Они словно болели. Он с такой силой сминал их. Он хотел сделать мне больно?

Я языком провела по губам и как будто вкус его уловила. Он же свой язык в меня пихал.

Я бы не впустила, но потом мне интересно стало. Только чуть разжала губы, и он сразу же толкнулся.

Я опять провожу пальцами по опухшим губам.

Меня никто раньше так не целовал. Никто.

Пытаюсь сравнить этот поцелуй с поцелуями Жени. Вообще не то.

Женя, хоть и лез всегда с языком, но как—то... вяло? Я вообще ничего не чувствовала. Скорее, противно было. Странно и противно.

Сейчас тоже странно. Тут такой напор был.

Я опять чувствую, как мурашки пробегают по коже.

Я так и стою в мокром платье, но мне уже не холодно. Мне, наоборот, жарко. Хочется стянуть с себя все и встать под холодный душ.

Я не понимаю, что происходит. Мне кажется, меня должно тошнить от этого поцелуя. Вывернуть всю.

А я лишь стою и провожу пальцами по губам.

А ещё бредовые мысли лезут. Какое же у него там внизу твердое и большое. Мне было так больно, когда он прижался этим ко мне. Но я слово боялась произнести.

А он все толкался и толкался. Мне кажется, у меня синяк там.

И я даже ошупываю бок, к которому прижимался Рамиль.

Почему оно такое твёрдое? Глупый вопрос, конечно.

Но... У Жени там было твёрдое, когда он шептал мне на ухо, что хочет меня.

Значит, Рамиль... он что? Хочет меня?

И сама пугаюсь этой мысли.

Взгляд его вспоминаю. Страшно.

Страшно, потому что я не понимаю, что чувствую. Я ведь правда пыталась оттолкнуть его. Ну, правда.

Но его губы. У меня на шее. И язык.

Мне кажется, я краснею. Мне перед самой собой стыдно.

Не хочу понимать, что я чувствовала. Не хочу!

Обхватываю голову руками и зажмуриваюсь.

Он урод! Козел! Он... Он!

И тут до меня доносятся какие—то звуки из коридора.

Замираю. Прислушиваюсь.

Что там?

Звуки становятся громче. Не пойму, что это. Может, плохо кому? Рамилю?

Осторожно открываю дверь и тут же слышу хрип.

Надо закрыть дверь! Но нет.

Я выхожу в коридор и сразу же прислоняюсь к стене.

В просвете вижу его, тоже у стены. А перед ним на коленях...

Закрываю рот рукой, чтобы не выдать себя.

Перед ним на коленях какая—то женщина. Вот, откуда эти непонятные звуки. Это она их издает.

Поднимаю взгляд опять на Рамиля и встречаюсь с его взглядом.

Надо отвернуться, а ещё лучше — уйти. Но не могу.

Словно какая—то сила заставляет меня стоять и смотреть ему в глаза.

И он видит это. Понимает.

Вижу, что усмехается и разворачивается ко мне.

Он сам толкает голову женщины. Все чаще и резче. Я слышу ее хрипы. Но он не обращает на них внимания. Он смотрит на меня. И словно не отпускает этим своим взглядом. И я пошевелиться не могу.

Это же... Она ему...

Сердце бьётся сильнее и сильнее. И ещё жарче становится почему—то.

А потом я слышу громкий хрип. Его хрип. Со стоном.

И срываюсь и бегу в комнату. Захлопываю дверь и задыхаюсь. Мне воздуха не хватает.

Озабоченный маньяк! Он просто хотел, чтобы ему... он не меня хотел! Дура!

Ему все равно, кто! Вспоминаю нашу первую встречу на заправке.

Ему все равно.

Осознание этого успокаивает меня. Ну, должно успокоить. Но что—то ещё мешает насладиться этим осознанием.

Я со страхом смотрю на дверь.

Но там тишина. Больше ни звука.

Я быстро, озираясь на дверь, стягиваю с себя, наконец, мокрое платье и переодеваюсь. И сразу в кровать. Меня трясет. Зарываюсь в одеяло и пытаюсь уснуть.

Утром меня будит будильник. Встаю тяжело. Голова гудит как будто я и не спала.

Мне надо в университет. Нельзя пропускать. Я и так много пропустила.

Быстро одеваюсь и осторожно выхожу из комнаты. Иду по стеночке.

К счастью, в доме тихо. Он либо уехал уже, либо спит. Оглядываюсь наверх, где расположена его комната, и срываюсь к входной двери.

Почти на всех лекциях я только и думаю, что же делать дальше.

Я не представляю, как жить с ним в одном доме. Память так и подкидывает картинки со вчерашнего вечера.

Как он меня в бассейн толкнул.

Я словно опять ощущаю мокрое платье на себе. И взгляд его.

И как поцеловал меня.

Зажмуриваюсь. Гад!

А потом та женщина на коленях. И звуки.

Даже уши затыкаю. Потому что они как будто здесь. Звуки эти. Я снова их слышу.

— Марин, — меня толкает в плечо староста группы.

Растерянно смотрю на него. Сейчас как раз «окно» между лекциями и я забила на подоконник в закутке, чтобы никого не видеть.

— Заболела, что ли? — спрашивает он.

— Нет. Нормально все. Что такое? — отвечаю я, спрыгивая с подоконника.

— Тут, короче, денег тебе собрали, — и он протягивает конверт. — Держи.

— Зачем? — я хмурюсь.

— Ну как? Поддержать, типа. На.

Беру конверт из его рук.

— Ты это... держись, что ли, — мнется.

Да, мне тоже этот разговор неприятен, но я благодарю его.

— В общем, я в деканате сказал, что ты не поедешь с группой в лагерь, — добавляет староста.

Лагерь?!

Я и забыла! Точно! Вот, куда мне надо!

— Сереж, — говорю ему, хотя он уже уйти хочет, — я поеду. Не надо этого. Мне, наоборот, отвлечься надо. Скажи, пожалуйста, что я поеду. Пожалуйста! — и с мольбой смотрю на него.

Он тоже смотрит на меня и отвечает не сразу:

— Уверена?

Киваю.

— Ну, ладно, — пожимает плечами, — внесу тебя в список. Только точно? Потом передумать нельзя будет.

— Точно! Спасибо, Сереж! Большое спасибо!

— Да ладно, — чуть улыбается и уходит.

Лагерь. Да. Жаль, что не завтра.

Каждый год студенты нашего университета ездят на две недели в лагерь в Подмосковье. Там проходят конференции, командные игры по нашим предметам.

Обычно все ждут поездки в лагерь. Я — нет. Раньше не ждала. Мне там было скучно, я же не с кем особо не общалась.

Но сейчас это моя единственная возможность сбежать из ненавистного дома. Потому что страшно. Потому что непонятно.

Правда, до лагеря надо как—то переждать.

После лекций я выхожу на улицу и решаю прогуляться. Мне не хочется возвращаться в тот дом. Но и идти особо некуда.

Поэтому просто направляюсь в парк рядом с университетом.

Иду и думаю. Голова уже болит. И ничего толкового не приходит в нее.

Взгляд вниз. Шаг на дорогу. И едва успеваю отскочить, потому что прямо передо мной тормозит черная машина. Почти касается меня. Поднимаю взгляд и, нахмурившись, смотрю.

Не собираюсь тратить время на придурка. Обхожу машину, но тут открывается дверь и, когда я вижу, кто из нее выходит, то паника снова наполняет меня.

Глава 29. Марина

— Садись в машину, — сразу же говорит он, как только наши взгляды встречаются. Но я молча делаю шаг в сторону.

— Садись, я сказал.

Теперь Рамиль подходит и берет меня за руку. Пихает в свой огромный внедорожник и садится сам.

— Хватит меня бесить, — вцепляется в руль и зло сверкает глазами на меня.

А мне не страшно. Ну, вот, не страшно почему—то. Сама не понимаю, почему, но я его не боюсь. Первый испуг прошел. Ну, что он мне сделает?

Рычит только и все. Даже забавно.

К тому же меня прямо греет мысль о лагере. Главное, не подавать виду. Уеду, чтобы и не узнал.

— Что вы тут делаете? — спрашиваю я, поправляя волосы.

— Решил тебя проконтролировать, — отвечает с усмешкой. — Вижу, что не зря. Куда пошла? Почему не к метро?

— В полицию, — я хмурюсь и почти цежу каждое слово.

Рамиль вздергивает брови.

— Ну—ка, — опять усмехается, а у самого, я же вижу, желваки по скулам ходят. Испугался?

— Я сама напишу на себя заявление, — выдаю я. — Как это? Чистосердечное признание. Вот. Пусть меня посадят. За бутерброд. Все лучше, чем у вас...

— Что ж, похвально, — шурится он. — Заодно не забудь в полиции о пакетике с наркотой рассказать, — и усмехается опять.

Он бредит? Какой еще пакетик?

— О чем вы? — спрашиваю, хмурясь.

— Об этом, — и в пальцах у него оказывается действительно пакетик с чем—то белым внутри.

— Это не мое, — отвечаю уверенно, но чувствую, что уверенность пропадает.

— Расскажешь это следователю, Марина, — говорит он и убирает пакетик в карман пиджака. — Поверь, я сделаю так, что этот пакетик станет твоим. Хочешь? — и опять зло зыркает на меня.

Урод. Просто урод.

— Что вы хотите, а? — спрашиваю прямо. Стараюсь, чтобы голос не дрожал, хотя того и гляди сорвусь.

Откуда у него такая поразительная способность так действовать на меня? Так быстро менять мое настроение?

Нет, вполне понятно, что я его боюсь сейчас. Но надо попробовать решить все мирно.

— Я могу снять себе гостиницу, если вы мне ключи от моей квартиры не отдадите, — говорю я. — Я же вам мешаю. Вашим... — и прикусываю губу. Как назвать то, что я вчера видела?

— Возбудилась? — он опять с прищуром смотрит на меня.

Удивленно хлопаю глазами. Что он имеет в виду?

— Поэтому вышла посмотреть, да? До конца досмотрела, — голос его становится хриплым почему—то и мне кажется или его грудь начинает часто вздыматься. — Понравилось? Может, повторить для тебя?

И не сводит с меня взгляда.

— С вами и правда не все в порядке, — отвечаю я и сразу же жалею об этом, потому что чувствую острую боль.

Рамиль схватил меня за волосы на затылке.

— Со взрослыми дядями так не разговаривают, — цедит он, блуждая взглядом по моему лицу. — Сколько еще уроков тебе преподать?

— Отпустите меня, — прошу я. — Мне и правда лучше в гостинице пока пожить. Пока... — и чуть про лагерь не проговариваюсь. Но вовремя останавливаюсь.

— Да на что? — смеется он и отпускает мои волосы. Встряхиваю ими. — У тебя бабок —то нету. В гостиницу она собралась.

— Есть! — выпаливаю я и показываю ему конверт, который передал мне староста.

Но в ту же секунду Рамиль выхватывает его из моих рук.

— Теперь нету, — усмехается и прячет его туда же, себе в карман.

— Отдайте! — такая обида на меня находит, что я кидаюсь на него с кулаками.

Привстаю с сиденья и бью его кулачками по плечам, по груди. А он ржет. Ну, вот, правда. Ржет и все.

Мне хочется плакать. Это же мои деньги! Мои!

— Отдайте! — ударяю по груди и похоже, что больно только мне.

Для его каменной груди мои удары вообще не ощутимы. Но он и не отталкивает меня. Как будто ему доставляет удовольствие то, что я бью его. Ну, бью, конечно, сильно сказано. Но все равно!

Еще раз замахиваюсь, но рука падает не ему на плечо, соскальзывает и по груди. И приземляется... ой!

У меня, наверное, глаза круглыми становятся. Я кулаком чувствую опять это твердое и большое. Оно у него всегда такое, что ли?

От испуга не сразу отдергиваю руку и замечаю, что Рамиль уже не смеется. Смотрит на меня опять таким же страшным взглядом. Исподлобья.

А потом, не отрывая взгляда, он вдруг берет как—то резко и подхватывает меня за талию. Приподнимает и сажает к себе на ноги.

Я хлопаю глазами и упираюсь руками ему в плечи. Пытаюсь приподняться и не коснуться того, что только что нащупал мой кулак.

— Да сиди ты, блять! — рывкает он и давит мне на талию. — Только хуже делаешь! Блять.

— Я...

— Молчи. Молчи и слушай. Я брату обещал, сука. И обещание свое сдержу. Чего бы это ни стоило мне. Поэтому уймись и хватит меня бесить, блять! — зло сверкает глазами. — Будешь нормально себя вести и все будет нормально. Поняла?! По поводу вчера... — и замолкает.

Отпускает меня с одной стороны и трет пальцами глаза.

Я решаю воспользоваться хотя бы частичной свободой и дергаюсь, чтобы встать с него. Но упираюсь попой в руль и скатываюсь еще ближе.

Боже. Теперь я ощущаю это все у себя между ног. И замираю, боясь пошевелиться. Оно очень твердое. Может, там и не то, что я думаю? Может, там какой—то предмет? Очень на то похоже.

— Ты совсем тупая? — тяжело выдыхает Рамиль и убирает руку от глаз. Смотрит на меня каким—то затуманенным взглядом. — Специально доводишь?

— Дайте мне слезть, — хриплю я и откашливаюсь. Что с голосом—то?

Но вместо свободы чувствую, как его рука с талии перемещается мне на спину, а потом ниже. И он как будто прижимает меня к себе. Еще сильнее. Хотя куда сильнее—то? Мне и так больно там. Хорошо, что я в джинсах. Боюсь даже подумать, как было бы больно, надень я сегодня платье.

А Рамиль тем временем как будто чуть спускается вниз и шире ноги расставляет. И все это, не сводя с меня взгляда. И не отпускает. Так и держит своей ручищей. А вторую кладет мне на ногу.

— Ты меня бесишь, — то ли хрипит, то ли цедит. — Но обещание я исполню. В мою личную жизнь не лезь. Поняла? Еще раз выйдешь подсматривать — окажешься на месте шлюхи. Уяснила?

И пальцы сильнее впечатываются в мою ногу. До боли.

Я лишь сглатываю.

А что отвечать—то? И непроизвольно облизываю губы.

Взгляд Рамиля тут же оказывается на них.

— Это пиздец какой—то, — чуть слышно произносит он и мотает головой.

И так же резко как посадил, приподнимает меня и чуть ли не скидывает с себя.

Я вся зажимаюсь на сиденье и слежу за мужчиной.

Он, ничуть не стесняясь, что—то там поправляет у себя между ног и пыхтит недовольно.

Потом заводит машину.

— Я уезжаю, — заявляет, когда мы уже почти подъезжаем к дому.

Всю дорогу я сижу и молчу. Страшно очень. Я нифига не понимаю. Что он делает? Зачем?

— Пока меня не будет, чтобы только в университет и обратно домой. Поняла? Чуть задержишься, охрана мне сообщит. Найду и задницу надеру. И вообще без университета останешься. Ясно?

Сам спрашивает все «ясно» да «поняла», а сам даже слово вставить не дает. Но я молчу.

Уезжает, значит? С чего бы это? И куда? Впрочем, все равно. Значит в лагерь смогу без проблем уехать.

— Вернусь и поговорим. Решим, что делать дальше, — продолжает Рамиль.

Останавливается возле дома.

— Иди, — кивает мне и опять смотрит так, что сердце в пятки уходит. — Ну?! — рычит недовольно, когда я от страха и пошевелиться боюсь.

Но, услышав рык, быстро открываю дверь и убегаю в дом.

Глава 30. Рам

Какая—то херня происходит.

Лег спать нормально. Довольный Нелькиным отсосом. А утром просыпаюсь и какая—то хрень.

Злость опять. Словно и не трахался.

Из комнаты вышел уже полностью одетым. Я, сука, как будто боюсь голым ходить в собственном доме! И встречаться боюсь. А как тогда?

К счастью, девку не обнаруживаю. Уже убежала. Молодец. В этот раз поступила правильно.

Не позавтракав, еду в офис. Там встречаю Богдана.

— Ну что? — спрашивает он после рукопожатия. — Отошел?

Вопросительно смотрю на него.

— Или опять морду бить полезешь?

— Да блять, — мотаю головой. — Прости, брат. Реально не знаю, что нашло. Эта девка...

— Ну, надеюсь, помирились после нашего отъезда—то? — весело подмигивает. — И где только находишь таких? Диман так вообще запал. Говорит, ждать буду, когда Раму надоест. Себе заберу.

— Да вы охуели?! — я опять злюсь. В груди жечь начинает. Понимаю, что не прав. Что надо спокойно. И не могу! Ну, не могу, блять!

Как представлю, Димана и ее! Блять!

Богдан ржет. Просто открыто, вот, ржет.

— Значит, не было процесса примирения? Не дает, что ли?

— Да хватит, ну?! Если мне надо, я сам беру. Ты знаешь. И вчера взял.

— А чего злой тогда такой? Ну, красивая девочка. Не шлюшка. Конечно, она мужикам нравится. Я бы на твоём месте, — говорит заговорщически, — дома такую запер. А то, знаешь ли, ходят такие Димы... — и ржет.

Кулаки чешутся врезать ему. Сжимаю их и зубы стискиваю.

— Ладно, Рам. Шучу же, ну? Ты какой—то... напряженный, что ли. Точно вчера взял? Все—все, молчу, — и хлопает меня по спине. — Если хочешь, приходи с Мариной в субботу. Тачку буду обмывать новую.

— Уже доставили? — спрашиваю я.

— Да, вчера пригнали. Ох, блять, она такая охуенная! Кое—как дождался! Короче, приходи. Один или... если не боишься, с девочкой той. Шлюх только не веди. Приличная тусовка будет.

— Да понял уже, — бурчу недовольно.

— Ну, вот. Ладно, поеду я на объект. Ты давай тут, расслабься, что ли. Все нормально же. Ну, шутим мы так с Диманом. Знаешь же, что табу. Если твоя, то твоя.

Блять. Он так убеждает меня, как будто девка и правда моя и я в себе не уверен.

Да я сам определяю, кто со мной будет! Я это решаю. И из—за девки точно не буду с друзьями ругаться.

Но Марина... это же другое. Это не девка. Я ее не трахаю.

Блять.

Не трахаю. А почему такое чувство, что должен?

Чтобы как—то отвлечься от этого дерьма, погружаюсь в работу.

Уже после обеда звонок на телефон.

— Узнал? — спрашиваю сразу, поняв, кто звонит.

И получаю нужную информацию.

Смотри—ка, не наврала. И правда учится. Студентка, блять.
И хорошо учится. А мозгов нет.

Все—таки, брат мой тюфяк был. Как был им в молодости, таким и остался. И девку, похоже, не воспитывал, раз ведет себя так. А ведь за дочь ее считал.

За дочь...

Отбиваю ритм ручкой по столу.

Даже, вон, позаботиться попросил.

Смотрю на часы, хватаю пиджак и ухожу, кинув секретарю, что больше меня не будет.
И еду к университету.

Зачем?

Проследить, чтобы ничего лишнего. Ей об учебе нужно думать, а не о ебарях. А то оши-
ваются, небось, вокруг.

Блять. Почему меня это так злит?

Паркуюсь рядом со зданием и опять смотрю на часы.

Выходит.

Разве можно так на учебу ходить?! Почему джинсы такие обтягивающие? Почему сиськи
так выделяются?

Сжимаю крепче руль. А в ширинке опять напряжение. Да сука.

А эта сучка не к метро идет, а сворачивает куда—то. Ну, точно! Хорошо, что я решил
проверить!

Запихиваю ее в тачку и строго смотрю на нее. Испугать ее вообще не сложно. Пара при-
емов и уже дрожит.

Но, стоит выхватить мне у нее из рук конверт, как бросается как дикая кошка. Типа бьет.
Не скрывая, смеюсь над ней. Неужели она и правда думает, что может меня ударить?

А потом ее рука оказывается на члене. И не убирает ее. Смотрит испуганно, но не уни-
рает.

А член, словно почувствовав ее, сильнее толкается в руку.

У меня опять, сука, стоит.

Смотрю на нее и понимаю, что не хочу, чтобы она руку убирала. А потом подхватываю
и сажаю себе на колени.

Зачем? На хрена?!

Разве так наказывают непослушных?

Да я просто поговорить хочу. Объяснить ей, как она не права. Просто...

Да ни хуя не просто!

А эта мелкая дрянь еще больше усложняет задачу. Прижимается к самой ширинке.

Сидит на мне с раздвинутыми ногами и прижимается. Сука. Прямо к члену прижимается.

Я шире расставляю ноги, потому что это, сука, невыносимо. Чуть двигаю бедрами, как
будто спускаюсь на сиденье, но на самом деле просто хочу провести членом ей между ног. Но
становится только хуже.

Все горит. И в груди, и в паху. Там вообще пламя. Яйца как будто на сковородке. Это
гребанный ад какой—то.

Ад, потому что я понимаю, почему это. Понимаю и отказываюсь верить. Не может так
быть. Не может.

И ничего не могу с собой поделат. Кладу руку на задницу девчонки и еще сильнее при-
жимаю к паху. Мне кажется, подвигаюсь она сейчас пару раз и я, сука, кончу. Без проникно-
вения кончу. Никогда такого не было, а сейчас запросто может случиться.

Поэтому рычу на нее и приказываю замереть. Пусть так сидит. Хоть попробую успоко-
иться.

Пытаюсь говорить спокойно нужные слова. Но не смотря ей в глаза.

Слова нужные, но нихера не верные. Правильные, а не верные.
Единственное сказанное верное мной сейчас — что окажется она на месте шлюхи. Это я так угрожаю ей за непослушание, а сам выдаю свои желания. Хочу ведь этого.
Зубы ее помню, конечно, но и губы помню. Как по члену скользили.
Говорю ей это, а сам опять на автомате чуть толкаюсь бедрами.
Мой член сейчас четко у нее между ног. Что там у нее? Мокро уже? Как же, сука, хочется залезть ей в трусы и проверить.
Пиздец какой—то.
Скидываю девчонку с себя и поправляю член и яйца.
Гребанный ад.
Ебучий и ни с чем несравнимый ад.
Не смотрю на нее. И она молчит. Забилась там на сиденье и молчит.
Правильно.
Мокро там?
Сука! Не думать! Не думать об этом!
И я принимаю единственное правильное решение. Уехать. На несколько дней.
Взять Нельку и уехать. И трахать, и трахать ее до потери сознания. Всю дурь вытрахать.
Высаживаю девку у дома и прогоняю ее от себя. Не смотрю. Охране даю задание следить, когда ушла, когда пришла.
Про ебарей, надеюсь, она уяснила. Убью.
Предупреждаю, что не будет меня несколько дней. И вызваниваю Нельку. Ту уговаривать не надо. Уже ждет, когда заеду.
Забрав ее, гоню на базу отдыха в Подмосковье. Я люблю здесь отдыхать по выходным. Мой домик уже готов.
Толкаю шлюху в дом и сразу же расстегиваю штаны.
— На колени вставай! — рычу, справляясь с ремнем.
Она и встает и рот уже открывает.
— Задом давай! — приказываю я. — На четвереньки!
Послушно становится. Я подхожу, раскатываю презерватив, приставляю член и резко врезаюсь. Стискиваю зубы. И начинаю трахать ее. Сильными толчками. Она чуть не падает и я удерживаю ее за задницу.
Трахаю и трахаю. А кайфа нет.
Я не испытываю удовольствия. Как будто просто толкаюсь и все.
Я готов был кончить от того, что член упирался девке между ног. Через слои ткани. Просто терся об нее. И я чуть не кончил.
А тут, блять, я дырку ебу. Ебу как мне нравится. Жестко и резко. И похуй вообще. Чисто движения. Кайфа нет.
Переворачиваю ее и опять врезаюсь.
Нелька вскрикивает. Жметесь ко мне, но я приподнимаюсь. Упираюсь руками об пол и трахаю ее.
Опять двигаюсь. И опять ничего особенного.
Вижу только, что Нелька глаза прикрывает и стонет. Ей, сука, хорошо. А мне?!
Вынимаю член из уже потасканной дырки, стягиваю защиту и переползаю к лицу. Рукой направляю член. И прямо так, сидя на ней, трахаю ее рот.
Она сопротивляться не может и поэтому я вгоняю ствол почти на полную. Не входит полностью, в горло упирается. Но уже лучше.
Так и толкаюсь, и толкаюсь. Прикрываю глаза. Мокро. Очень мокро.
Как в трусиках Марины?
Распахиваю тут же глаза. Откуда, блять, этот вопрос?

Опять закрываю глаза и так и вижу, как моя рука лезет в джинсы девчонки. Она, конечно, хватается, пытается сопротивляться, но меня не остановить, когда я чего—то хочу. И я лезу ей в трусы.

— Да, сука! — вырывается у меня и я кончаю.

Стону от удовольствия. Кончил и даже кайф словил.

Слезая с Нельки и падаю на спину на пол рядом с ней.

Часто дышу. Глаза так и закрыты. Моя рука между ног девчонки.

Так и стоит эта картинка.

Сука.

После очередного жесткого траха Нелька просит меня о пощаде. Говорит, что не может больше и просит перерыв. У нее, сука, все дырки болят.

— Я тебя для чего привез сюда? — цежу недовольно. — Пизда болит? Ртом работай! Я приехал трахаться. Поняла? И, если не с тобой, то найду другую. А ты уебывай обратно в город!

Молчит и послушно опускается к члену.

Вот так, блять.

Мне же легче становится? Да, становится.

Вытрахать всю дурь и вернуться с пустыми яйцами и трезвыми мозгами.

Ничего в этой девке особенного нет. Более того, уверен, что так, как Нелька она не обрабатывает меня. Тогда в чем дело?

Да пошла она!

Мне уже лучше. Еще пару дней потрахуюсь и нормально.

Лежу на диване, подложив руку под голову, и наблюдаю, как работает Нелька. Член опять напрягается.

Время почти десять вечера. И звонок на телефон.

Кто это? Кому я понадобился в это время?

Смотрю на экран — охрана.

— Рамиль Русланович? — голос охранника. — Она не пришла.

— Кто, блять? — сажусь и отталкиваю от себя шлюху. Заправляю член в боксеры.

— Ну, девчонка. Марина. Не пришла сегодня.

— Да сука! — опять смотрю на часы. — И ты только сейчас мне звонишь?!

— Ну, я подумал, вдруг задержалась...

— Идиот! Я же сказал звонить, если поздно приходит! Когда ушла сегодня?

— С утра. Все как обычно. попрощалась с нами и ушла. И нет, вот, до сих пор.

— Сука! — ударяю кулаком по подлокотнику.

Глава 31. Марина

Садясь в автобус после лекций, я продолжала оглядываться по сторонам. Мне все время казалось, что сейчас появится брат Родиона и вытащит меня из автобуса.

Понимала, что бред. Он же уехал. Но было такое чувство, что он все знает и он где—то рядом.

Но нет. Мы спокойно доехали до лагеря и я, наконец, выдохнула.

Думала ли я о том, что будет, когда он узнает о моем побеге? Думала. Но возвращаться не хотела.

Я его боюсь. И не понимаю. Его поступки... как их объяснить? Это он так пытается еще больше напугать меня? Что ж, у него получается.

Поэтому я все правильно сделала. Он уехал и я уехала. Я же не сбежала. Я уехала по учебе.

Прогнав ненужные мысли, выхожу из автобуса.

— Сафина! — окликает меня одnogруппница. — Чего стоишь? Комната двести один у нас. Давай туда. Там девчонки график дежурства распределяют.

Закидываю рюкзак на плечо и иду искать свою комнату.

В первый день нет никаких мероприятий. Все обустроиваются. После ужина нас собирают в зале. Я сижу одна в углу. Слушаю через слово. Ничего интересного.

Тут ко мне подсаживается кто—то. Поворачиваюсь. Молодой мужчина.

— Сегодня приехала? — спрашивает он, улыбаясь и подмигивая.

Киваю.

— Ясно, я Игорь, — и протягивает мне руку.

Не ответить невежливо и я отвечаю:

— Марина.

— А фамилия?

— Сафина.

— Ясно, Марина Сафина. Как тут? Устроились?

— Да. А вы тоже из университета?

— Не совсем, — усмехается он.

— Игорь, давай, расскажи новеньким, что и как! — со сцены кричат и, похоже, кричат моему новому знакомому.

— Ладно, Марина Сафина, увидимся еще! — подмигивает мне он и встает с места.

Да, звали его. Это один из руководителей проекта.

На следующее утро нас делят на команды.

— Сафина! — окликает меня староста. — Двигай в седьмой кабинет.

— Зачем? — спрашиваю я.

— У тебя спецзадание на весь срок, — и улыбается.

Пожимаю плечами и иду туда. Стучусь.

— Войдите! — доносится из—за двери.

Открываю, захожу и вижу там того самого мужчину, Игоря.

— Проходи, Марина, — он встает из—за стола и идет ко мне. Опять руку протягивает.

— Мне сказали, сюда прийти. Зачем? — серьезно смотрю на него.

— Ну, у тебя будет задание на весь период нахождения здесь. Мне помощница нужна. Вот, ты и будешь помогать.

— Но как же...

— Не переживай, зачет получишь в лучшем виде. Самую высокую оценку нарисую. Если добросовестно будешь исполнять свои обязанности, — говорит, а сам мою руку не отпускает. Наоборот, сильнее пальцы сжимает.

Я сама тяну ее из его руки. Он хмыкает и возвращается за стол.

— Но я хотела бы с одноклассниками, — начинаю я.

— Все уже распределено, — глядя в какие-то бумаги на столе, говорит он. — Каждую смену у меня помощница. В эту смену — это ты, — поднимает на меня взгляд. — И это не обсуждается. Садись, — кивает на стул.

Слушаюсь.

Он откидывается на спинку кресла и смотрит на меня. Долго смотрит. Потом, наконец, произносит:

— Марин, давай без лишних ненужных моментов. Мы взрослые люди. Поэтому буду прямо говорить. Ты мне понравилась. Я все про тебя узнал. Ты мне подходишь. Будешь себя хорошо вести, и с зачетом проблем не будет, еще и в личное дело получишь отличную запись. Дам тебе рекомендацию.

Смотрю на него, нахмурившись. Не очень понимаю, к чему он ведет.

Резко встаю.

— Я не буду вашей помощницей.

— Сядь, — рявкает он. Встает и идет ко мне.

Я продолжаю стоять.

— Недотрога? — спрашивает, приближаясь. — Но помочь мне будешь. Уже все написано и ничего не изменить. Придется, Марина. Если не хочешь проблем в университете.

Я молчу.

— Упертая, — усмехается он. — Значит так. Сейчас разберешь у меня бумаги на столе. Сложи всю документацию по проекту в хронологическом порядке. Надеюсь, справишься. Я приду, — и смотрит на часы, — через пару часов. Тогда и обедать пойдешь. Давай, приступай!

И, бросив на меня цепкий взгляд, он выходит из кабинета.

Я стою и просто не знаю, что делать. Что это было сейчас? Как во сне. Разве такое может быть на самом деле?

Выхожу в коридор. Никого. Возвращаюсь в кабинет и сажусь на стул.

Помощница?

Уйти?

А кабинет? Оставить его открытым? Там, вон, его вещи лежат. А если украдут?

Да, надо просто дождаться его и сказать решительно, что он меня не за ту принял. Я не буду его помощницей.

Игорь появляется поздно вечером. Все это время я просто сижу на стуле и смотрю в окно. Хорошо хоть телефон со мной.

Я уже собираюсь позвонить, например, старосте Сергею и попросить его принести ключ, чтобы выйти, наконец, но тут дверь распахивается и появляется Игорь.

Даже не взглянув на меня, он сразу же идет к столу. Смотрит на разбросанные бумаги и вздергивает бровь.

— То есть так, да? — поднимает взгляд на меня.

— Я не буду вашей помощницей, — строго произношу я, вставая со стула.

— Ну—ну, — усмехается он. — У тебя был вариант. Впервые с такой дурой сталкиваюсь.

Проблемы ищешь?

Не хочу дослушивать. Просто разворачиваюсь, чтобы уйти. Но он не пускает.

— Садись. Поговорим, — кивает на стул.

Я продолжаю стоять.

— Ну, понравилась ты мне, — усмехается он. — Чего тут две недели скучать? А так... весело время проведешь. И зачет получишь с рекомендацией, — он опять о своем. — Смотри, сейчас у всех сон, а тебе можно будет выйти за территорию. Со мной, разумеется. Не хочешь здесь? Поехали в гостиницу. Тут рядом есть.

— Вы же понимаете, что то, что предлагаете мне, это... Я все расскажу в деканате, — я пытаюсь защищаться.

— Поверь мне, Марина, это будет самый глупый поступок в твоей жизни, который будет стоить тебе места в универе. Тебе оно надо? Чего ломаешься? Не целка же. Не бойся, я не извращенец никакой.

— Я не понимаю... — мотаю головой, не зная даже, что сказать.

— Мне тут две недели тоже куковать без телки скучно. Что непонятного—то? А ты мне нравишься. Красивая.

Я отступаю на шаг.

Игорь подходит и поднимает руку. Я испуганно смотрю на него.

— Чего ты, ну? — и он кладет руку мне на волосы. Проводит по ним.

— Красивая и такая неприступная. Давай, — осматривается. — Здесь давай. Потом в мою комнату пойдём, — и он резко обхватывает меня за талию и приподнимает.

— Пустите меня! — стучу по его голове и плечам. — Пустите! Я в полицию заявлю!

— Дура! — зло отвечает он. — Дура! Себе же хуже сделаешь! Кто тебе поверит? Сироте? Так и скажут, что решила препода заманить и женить на себе. Заткнись! По—хорошему давай! Тогда ласково буду! Ну?

И он куда—то тащит меня. Задирает на мне платье и его рука у меня на ноге.

Я брыкаюсь, как могу. Но силы явно не равны. И я вспоминаю Женю.

Слезы стекают по щекам.

— Я помогу тебе, дурочка, — произносит уже с усмешкой, толкнув меня на диван и берясь за ремень. — Ну, кто тебе поможет? Одна же ты. А я помогу. Будешь ласковой и проблем не будет в универе. Раздевайся.

Я лишь мотаю головой, с ужасом глядя на него, и вытираю рукой слезы.

Не знаю, что мне пришлось бы сделать, но тут слышится стук в дверь.

Игорь замирает. Хмурится.

Стук повторяется.

— Кого еще несет, блять? — ворчит он, поправляя брюки и идет к двери.

Я стекаю с дивана и заползаю за него. Все горит. Мне плохо. И дрожь пробивает тело.

Потом слышу звук открывающейся двери и голос Игоря:

— Ого! А ты какими судьбами?

Глава 32. Марина

Я сижу, поджав ноги, и дрожу. Вслушиваюсь.

Кто там?

Выбежать и просить о помощи? Только надо, чтобы голос вернулся. А то я сейчас даже вздохнуть громко не могу. От страха и от ужаса голос пропал. Набираю воздуха побольше и пытаюсь унять слезы и дрожь.

Но в следующую же секунду словно новый удар. В самое сердце.

— Да человечка одного найти надо.

Я слышу этот голос. Я узнаю его. И я... я начинаю не то что дрожать, меня трясет. Округляю глаза и смотрю в стенку напротив.

Что. Он. Тут. Делает?

Это же он! Брат Родиона.

Он пришел за мной? Но как нашел? И он знает Игоря?!

— Проходи, — тот как раз произносит и холод сковывает грудь. Да, они знакомы. — Кого ищешь?

— Девчонку одну, — говорит Рамиль и их голоса становятся громче.

Они проходят к дивану.

— Сафина! — рявкает Игорь.

И тишина.

Я не вижу их, но мне кажется ощущаю взгляд и мысли каждого сейчас.

— Куда залезла?! — орет Игорь. — Выходи, сказал, блять!

Я не шевелюсь. Так и сижу. Знаю, что тут не получится отсидеться. Но не могу заставить себя встать.

— Ты чего залезла—то? — слышу сверху голос Игоря. Он нашел меня и сейчас смотрит. — Вылезай, давай. Ну?

Грубо берет меня за локоть и тянет вверх. А у меня и сопротивляться—то сил нет.

Игорь выталкивает меня на середину комнаты, а сам плюхается на диван.

Я не поднимаю взгляд, но вижу ботинки Рамиля. Он тоже сидит на диване.

Я вся вспыхиваю. Потому что каждой клеткой кожи ощущаю его взгляд. И посмотреть боюсь.

— Это кто? — спрашивает он.

— Девка моя, — усмехается Игорь.

— Твоя? — в голосе Рамиля я тоже слышу ухмылку.

— Да.

Тут я не выдерживаю и поднимаю взгляд на Игоря. Он сидит и нагло улыбается.

— Да ты что? — невольно перевожу взгляд на Рамиля. Он тоже ухмыляется. Но как—то иначе.

Вроде, и дергается уголок губ вверх, но взгляд...

Он прожигает меня взглядом.

— Ну и как? — смотрит на меня, но спрашивает у Игоря. — Умелая?

— А то, — отвечает тот. — Ты, вот, помешал, Рам. Еще бы чуть—чуть и без штанов меня застал бы, — и ржет.

Рамиль резко поворачивается к нему и прищуривается.

— Что же, я мешать не буду, — говорит опять с какой—то странной ухмылкой.

— Так, а ты чего приехал—то? Кого ищешь?

— Вот девочку и ищу, — сканирует меня взглядом. — Думал, может, посоветуешь кого? Посговорчивей?

Игорь скользит по мне хищным взглядом. Как будто раздевает. Я обнимаю себя. Мне страшно.

Я не понимаю ничего. И сказать что—то боюсь. Да и кто мне поверит? И кому нужна моя правда?

— А хочешь втроем? — вдруг произносит Игорь и громко цокает языком, не убирая от меня взгляда.

Я с ужасом поднимаю на него взгляд. Сердце заходится.

Что... что происходит?! Втроем?! Он имеет в виду...?!

— Можно, — насмешливый голос Рамиля.

И я на него теперь смотрю. Ни один мускул на его лице, ни одна эмоция не выдает, что он знает меня. Какую игру он затеял?

И что будет, если я сейчас признаюсь? А смысл? Чтобы из лап одного урода попасть в лапы другого?

Он же не допустит! Он Родиону обещал! Обещал!

— Сафина! — отвлекает меня от мыслей голос Игоря. Он встает с дивана и приближается. — Ты чего застыла? Хватит тут строить из себя. Мне все про тебя рассказали. В комнату пошли. Тут неудобно будет втроем.

— А у вас и комната есть? — спрашивает Рамиль, удобнее располагаясь на диване. Щурится как—то зло. — Ну—ка, — кивает мне, — расскажи, что умеешь? Пиздец как интересно.

Игорь ржет.

— Ты сюда слушать пришел?

А потом вдруг хватает меня и тянет к двери.

— Пустите! — я словно просыпаюсь. Понимаю, что никто мне кроме меня самой не поможет! Никто! А брат Родиона еще и хуже сделать может. Вот уж от кого помощи не дождешься, так это от него! — Пустите! Помо...!

И не успеваю докричать, потому что Игорь рукой мне рот затыкает.

— Вот сука! — коленкой пихает меня к столу. — Ты смотри, какая игривая! Сейчас мы тебя оприходуем!

— Слушай, — голос Рамиля очень спокойный. Как будто вообще ничего не происходит. — А не боишься? Реально пожалуется.

— Да кому? Некому! Да и ломается же, видно. Цену набивает! Ложись, сука! — и он давит мне на спину, чтобы я легла на стол.

Но я отчаянно сопротивляюсь. Пытаюсь укусить его ладонь.

— Надо бы рот ей заткнуть, — злится Игорь. — Рам, вставай там! Давай пусть отсосет тебе сначала, а я сзади.

Я громко мычу ему в руку, извиваюсь. Но отчаяние накрывает меня.

— Нет уж, — голос Рамиля совсем рядом. — Пусть тебе отсасывает. Давай туда вставай! Я здесь.

И чувствую, как хватка вокруг моего тела и рта чуть ослабевает, но буквально на секунды. А потом опять сильное сжатие.

— Ох, сука! С утра стоит! — перед моим лицом возникает ширинка Игоря и я вижу, что он торопливо пытается расстегнуть брюки. — Хороша, блять! Давай, Рам! Задирай платье! На задницу хочу посмотреть! Да, блять!

И я зажмуриваюсь, потому что перед моим лицом появляется сначала нижнее белье, а потом...

Нет! Зажмуриваюсь и начинаю отчаянно мотать головой. А еще чувствую, как на меня и сзади наваливаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.